

Царица темной реки

Автор:

[Александр Бушков](#)

Царица темной реки

Александр Александрович Бушков

Бушков. Непознанное

Весна 1945 года, окрестности Будапешта. Рота солдат расквартировалась в старинном замке сбежавшего на Запад графа. Так как здесь предполагалось открыть музей, командиру роты Кириллу Кондрашину было строго-настрого приказано сохранить все культурные ценности замка, а в особенности – две старинные картины: солнечный пейзаж с охотничьим домиком и портрет удивительно красивой молодой женщины.

Ближе к полуночи, когда ротный уже готовился ко сну в уютной графской спальне, где висели те самые особо ценные полотна, и начало происходить нечто необъяснимое.

Наверное, всё дело было в серебряных распятии и медальоне, закрепленных на рамах картин. Они сдерживали неведомые силы, готовые выплеснуться из картин наружу. И стоило их только убрать, как исчезала невидимая грань, разделяющая века...

Александр Бушков

Царица темной реки

Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их не дано знать человеку, но узнавать их ему не воспрещено, как и пользоваться ими.

Преосвященный Исидор, митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский (XX век)

Иллюстрация на обложке Владимира Нартова

© Бушков А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Рамы без картин

Ну что рассказывать о войне в Венгрии? Особо рассказывать и нечего, война как война, ничего нового. Разве что нужно заметить, что с мадьярами было ой как нелегко, они дрались раз в десять яростнее, чем, скажем, румыны, из которых солдаты вообще как из собачьего хвоста сито. Так что повозиться с ними пришлось, однако ж справились. Как в песне – и на груди его светилась медаль за город Будапешт...

Теперь, много лет спустя, если подумать как следует, приходишь к выводу, что больше всего нас, пожалуй, напрягала даже не мадьярская ярость в бою – всяких видывали, – а их совершенно зубодробительный язык. Зубодробительный! Даже не знаешь толком, как прочитать дорожный указатель, отчего возникали всякие коллизии, не сказать чтобы смешные. Звонит комбат и требует:

– Срочно доложи, к какому населенному пункту вышел!

У него карта советского издания, с русскими, естественно, названиями – а у меня никакой! Вот и ломаешь язык, пытаешься сообразить, как этот указатель читать, а он орет, весь в нетерпении, со своей стороны пытается подсказывать:

«Похоже? А так – похоже?» С первого раза и не получалось. А переводчиков было мало... Ну, и разведчики матерились: зашли в тыл по всем правилам, остались незамеченными, отчетливо слышали офицерские разговоры – и ни словечка не понимали...

Но я не об этом. Расскажу об одном случае, который я и сегодня понять не могу, хотя это чистая правда, все так и было...

Получилось так, что в начале марта сорок пятого наш полк оказался во втором эшелоне – определили на отдых и пополнение, поправление матчасти и прочие необходимые заботы. Потери в Будапеште были большие – а что впереди предстояла еще и мясорубка у озера Балатон, мы тогда еще не знали. Хотя, конечно, как люди бывалые догадывались: если не то что полк, а всю дивизию взялись насыщать личным составом и техникой по полному штатному расписанию – дела будут.

Командиры думали в первую очередь об отдыхе. Отдых – это всегда благодать, особенно когда условия хорошие, а не где-нибудь в палатках в чистом поле.

Всякое бывало, но на сей раз роте, которой я командовал, крупно повезло: так получилось, что нам отвели не просто дом, а здоровущий особняк посреди небольшого парка, где рота разместилась очень даже вольготно. Уже потом совершенно точно выяснилось, что граф был отнюдь не из захудалых: мы-то по русской простоте приняли хоромы за его главный дворец, а оказалось – чуть ли не охотничий домик, рассчитанный на целую ораву гостей, далеко не единственный. В три этажа, представьте себе, старинной постройки, даже с башенками и флюгерами. Конюшни и псарни, конечно, стояли пустыми – граф со всем добром, какое сумел прихватить, сбежал на Запад еще месяц назад, хотя линия фронта была еще далека (потом выяснилось, что ему было крепко за пятьдесят, а значит, помнил и здешнюю революцию девятнадцатого года, и Венгерскую ЧК...).

Большая часть прислуги, конечно, тоже разбежались – точнее, друженько драпанули в ближайшую деревню, откуда были родом, и притаились там, как мышки (как будто мы собирались их искать и ловить). А для охраны граф, срочно эвакуируясь, оставил в доме четырех старых лакеев. Уж не знаю, что и как наохраняли бы от регулярной воинской части эти четверо старых сморчков, из которых песок сыпался, но они послушно остались в доме – видимо, боялись графа больше, чем нас. Рецидивы лакейской психологии, как идеологически

выдержанно выразился наш замполит, обозрев этих «стражей», поголовно в ливреях, какие носили, должно быть, еще в веке восемнадцатом.

А вот пятый, дворецкий, оказался персоной не в пример интереснее. Помладше подчиненных, годочков шестидесяти пяти, тоже в ливрее, но в знак своего положения гораздо роскошнее расшитой золотом, он держался совершенно иначе. Когда мы приехали осматривать дом (я на «Виллисе» с ординарцем и разведчиками и «Додж – три четверти» с прихваченными на всякий случай саперами), эта четверка жалась у парадных дверей с таким видом, будто ждала, что мы их тут же развешаем на деревьях в парке. А дворецкий, наоборот, стоял у нижней ступеньки без всякого страха на лице. И приветствовал меня на довольно сносном русском.

Очень быстро все и выяснилось. Осенью четырнадцатого этот экземпляр, будучи пехотинцем бравой австро-венгерской армии, попал к нашим в плен, да так и прибился. Отнюдь не в лагере. Частенько случалось так, что таких австрийков отдавали в работники сибирским крестьянам – война повымела из деревни немало рабочих рук. Вот и этот Иштван осел в глухой деревеньке где-то под Иркутском, а поскольку оказался еще и сапожником, жил не припеваючи, но близко к тому. Когда грянула революция, многие венгры пошли в Красную армию, но Иштван ни о чем подобном не подумывал. Должно быть, решил пересидеть в безопасном месте и новую войну. Было в нем что-то от бравого солдата Швейка – назад в Венгрию репатриировался только весной двадцать первого, так что пересидел в Сибири и красную революцию, и белый террор, заявился на милую родину не раньше, чем там более-менее успокоилось...

Он меня и водил по дому, с ухватками опытного экскурсовода. Особой роскоши я там не увидел, разве что охотничьих трофеев обнаружил превеликое множество: и медвежьи головы, и кабаньи, и оленьи, чучела волков и серн, чучела фазанов и даже парочки орлов. Граф, судя по всему, охотником был заядлым. Ну, и много картин, в основном представлявших живыми, во всей красе, будущие охотничьи трофеи посреди дикого леса либо пышные охотничьи кавалькады. Понемногу мне это однообразие стало надоедать, Иштван это определенно заметил и уже не спешил с пояснениями насчет какой-нибудь особенно большой кабаньей головы с внушительными клычищами или волчьего чучела незаурядных размеров. Сказал осторожно:

– Я так полагаю, господин капитан, вам все это не так уж и интересно?

– Откровенно говоря, да, – сказал я. – Я здесь не туристом и не покупателем дома. Да и особенной любви к охоте не питаю. У меня гораздо более прозаическая задача: быстро и удобно разместить моих солдат. И вот тут-то вы мне можете изрядно помочь.

– Разумеется, все, что в моих силах... – Он посмотрел хитровато, опять-таки пошвейковски. – В любой армии мира присутствует субординация. Прежде всего, мне думается, нужно подыскать подходящую комнату для вас как для командира роты, потом я, с вашего позволения, займусь устройством ваших офицеров и, наконец, солдат. У вас нет возражений?

– Пожалуй, нет, – сказал я. – Только имейте в виду: меня вовсе не привлекает что-то роскошное, вроде тех спален, что я видел на первом этаже. Желательно что-нибудь попроще. Чтобы от двери к кровати не пришлось ехать на велосипеде.

– О, я понял! В таком случае... Быть может, вы посмотрите малую спальню господина графа? Большая спальня предназначалась для тех случаев, когда господина графа на охоту сопровождала супруга, а малая для тех случаев... – физиономия у него опять стала плутовская, – когда не сопровождала. Туда мы еще не заходили...

– Ну так пойдёмте, – сказал я.

Поскольку речь, безусловно, шла об амурном гнездышке графа, которым он пользовался в отсутствие супруги, я ожидал увидеть нечто обставленное и декорированное крайне легкомысленно – и собирался заранее отказаться от будуара его светлости. Не самое подходящее место для спальни советского офицера. Опять же, шуточки за спиной пойдут...

Однако было сразу видно, что граф, как бы ни относился к прекрасному полу (а относился он к нему, надо полагать, очень даже трепетно, раз оборудовал «малую» спальню), всяких рюшечек-кружавчиков терпеть не мог. На будуар это нисколько не походило: красивая, но строгая мебель темного дерева, никаких легкомысленных картин или фривольных гравюр. Только две большие картины на противоположных стенах. На одной изображена в человеческий рост вполне приличная красавица в платье, по-моему, восемнадцатого века, совсем молодая, светловолосая и синеглазая, стоявшая у высокого стола на одной массивной

вычурной ноге, на котором ничего не было, кроме изящного графина с чем-то пурпурным и двух высоких стаканов. Казалось, она смотрит мне в глаза с легкой, лукавой улыбкой.

– Восемнадцатый век, а? – спросил я. – Судя по платью...

– Господин капитан разбирается в таких вещах?

Я не стал ему рассказывать, что в прошлой, мирной жизни собирался стать искусствоведам – но с третьего курса сорвал сорок первый год. Сказал только:

– Разбираюсь.

– Да, портрет написан в тысяча семьсот сорок шестом году. Внизу, справа, есть дата и подпись художника...

– Кто-то из предков графа?

– Не совсем, господин капитан. Это – графиня Эржи Пароттаи... возлюбленная графа Рудольфа, прапрадедушки нынешнего. Насколько я знаю, очень романтическая... и очень печальная история. Примерно через полгода после написания портрета муж графини обо всем узнал. В те времена искусство подсыпать яд в бокал было доведено до совершенства.

– А что граф Рудольф? – спросил я уже с интересом.

– У него были подозрения, но не было доказательств...

– Мне почему-то казалось, что в те времена люди не особенно утруждали себя поиском доказательств, – усмехнулся я.

– Да, пожалуй... трудно сказать, как развернулись бы события дальше – пошли разговоры, кто-то прямо указывал на не особенно честного аптекаря, многим обязанного графу Пароттаи... вот только недели через две графа Рудольфа убили на лесной дороге разбойники... по крайней мере так считалось. – Иштван философски вздохнул. – Старая как мир история, господин капитан: молодые влюбленные, пожилой ревнивый муж, никак не светоч морали...

Я еще раз взглянул на светловолосую красотку, так и оставшуюся молодой. В конце концов, я не был фольклористом, собиравшим старинные легенды – а может, были. Мои интересы лежали в совершенно другой плоскости...

Вторую картину я осмотрел мельком: утоптанная тропа, довольно широкая, где хватит места и всадникам, и повозкам, уходит к горизонту сквозь негустой лес, а вдали виднеется небольшой островерхий домик с вычурными водопроводными трубами и клумбами каких-то ярких цветов у невысокого крыльца.

– Тот же художник, и время примерно то же, хотя даты нет, – сказал Иштван. – Охотничий домик графини Эржи – тогда все увлекались охотой, и дамы не меньше мужчин. По легендам, здесь они и встречались, пока...

– Это все очень интересно, Иштван, – решительно прервал я. – Но нет у меня времени слушать легенды, пора заниматься размещением солдат. Да, эта комната мне нравится, с вашего позволения оставляю ее за собой.

– Рад, что вам понравилось. Запасы чистого постельного белья у нас большие. Вот только... Как вы смотрите, господин капитан, если я позову из деревни нескольких служанок? Нельзя, чтобы дом оставался вовсе уж без женской руки, пусть даже в нем будет квартировать рота солдат.

– Хорошая идея, – сказал я. – Но вот именно что – рота солдат... Подберите служанок... почтенного возраста, у вас ведь наверняка есть такие.

– Конечно. Понятно, господин капитан, чтобы было меньше соблазнов... – Сквозь его благообразную физиономию, украшенную бакенбардами в хорошем стиле императора Франца-Иосифа, на миг проглянула шельмовская рожа молодого пехотинца императорско-королевской армии. – Прикажете показать комнаты, которые подошли бы вашим офицерам?

– Это подождет, – сказал я. – В доме есть винный подвал?

– И богатый, господин капитан. Господин граф был большим знатоком хороших вин.

– Вот туда мы с вами немедленно и отправимся, – распорядился я.

Действительно, винный подвал производил впечатление. Справа – не менее дюжины огромных бочек с медными кранами, возлежавших на массивных деревянных подставках, слева – стеллажи от пола до сводчатого потолка, на которых покоилось не менее пары сотен темных бутылок – без этикеток, покрытых паутиной и тончайшей зеленой плесенью.

Мои саперы работали так, что любо-дорого посмотреть, орудовали миноискателями с величайшим старанием, а мой ординарец Паша Верзилин и двое разведчиков наблюдали за ними так пристально, словно получили на это приказ от командующего фронтом. Саперы от своих наушников не оторвались – они просто не слышали из-за них, как я вошел, – а вот троица ухарей проворно вытянулась в преувеличенном рвении. По некоторым признакам я сразу определил, что небольшую дегустацию они все же произвели – но определил еще наметанным глазом, что бутылок напихать не успели ни за пазуху, ни в галифе.

Вот с этим срочно нужно было что-то делать. Любой опытный командир знает, чем это чревато, когда рота натывается на такой вот богатейший винный погреб...

Так и стоял я в двери, придирчиво осматривая замки. Они внушали доверие: два врезных и один навесной – причем, судя по замочной скважине, и у навесного ключ был затейливый, гвоздем не откроешь. Должно быть, граф не питал иллюзий насчет своей прислуги, как и я – в отношении своих солдат. Тихонько спросил у Иштвана:

– Где ключи?

– У меня. – Он продемонстрировал бронзовое кольцо, на котором висели три ключа с затейливыми бородками. – Господин граф мне доверял.

(Вообще-то, присмотревшись к характерной багровости его носа, я подумал, что в данном вопросе граф проявлял чрезмерную доверчивость – иные взгляды, украдкой бросаемые дворецким на бочки и стеллажи, мало чем отличались от откровенных – моих солдат.)

– Запасные есть?

– Господин граф изволил увезти с собой...

Подошли саперы, доложили по всем правилам: проверено, мин нет. Следом подошли Паша и разведчики, двигавшиеся с грацией паралитиков. По лицам было видно, как им не хочется покидать этот райский уголок.

– Ну вот что, орлы, – сказал я соответствующим тоном. – В расположении о содержимом подвала – ни словечком. Подвал как подвал, старым хламом набит. Уяснили? Паша, ступай с... гражданином дворецким, он тебе покажет мою комнату. Отнесешь туда чемодан и «сидор» из машины. Потом вернетесь сюда, Иштван, будем выбирать комнаты для офицеров. Все свободны.

Оставшись один, я довольно быстро разобрался с ключами и запер замки на все обороты. Подумал, что надо бы еще и опечатать. Ключи были сложные, авторитетные, но имелись у меня во втором взводе два экземпляра, искупившие вину малой кровью в штрафной роте, – а попали они туда из дальних лагерей за уголовные художества, причем один как раз с замками. Виртуоз был тот еще...

Потом подъехала полуторка с ребятами из хозвзвода, которым сейчас предстояло исполнять обязанности квартирьеров – ну, их-то я перепоручил Иштвану, ставшему у меня чем-то вроде неофициального коменданта здания. А там и рота подтянулась, и тут уж куча обязанностей легла на меня – тех, что ни на кого другого не спихнешь. Да вдобавок мотоциклист из штаба полка привез моему замполиту письменное указание от его начальства. С каковым замполит тут же ко мне пришел в несколько печальном виде, пробормотав:

– Не было печали, так черти накачали...

Действительно... Полковое начальство замполита сообщало, что особняк, где разместилась моя рота, – памятник архитектуры постройки знаменитого некогда архитектора и новая власть собирается впоследствии устроить там музей. А потому замполиту строжайше предписывается обеспечить полную сохранность обстановки – мебели, ковров, картин, звериных голов с чучелами и тому подобного. Особенное внимание уделить сохранности двух картин знаменитого художника (по имени Михай, а фамилия у меня быстро вылетела из памяти – тоже была по-венгерски зубодробительная). Даже названия приводились: «Портрет графини Эржи Пароттаи» и «Охотничий домик графини Пароттаи» (прилагались, чтобы не было никакой ошибки, черно-белые фотографии обеих

картин). Для координации действий к нам выехал правительственный комиссар товарищ Янош (фамилию запомнил все по тем же причинам) с двумя помощниками. Тот же мотоциклист доставил и мне приказ командира полка, практически слово в слово повторявший указание замполиту. Разве что была добавлена пара строчек: обеспечить венгерских товарищей жильем и поставить на все виды довольствия. Ну, логично – именно это входило в мои функции, а не замполита.

Тут нужно немного прояснить ситуацию с этим самым правительством. После того как мы освободили примерно половину Венгрии, в Дебрецене, крупнейшем городе на востоке страны, было создано Временное демократическое правительство: понятно, из наших друзей.

В конце декабря сорок пятого оно вполне официально объявило войну Германии, и там же, в Дебрецене, формировался венгерский Будайский полк, который потом участвовал во взятии Будапешта. Честно признаться, очень многие венгры нас крепко недолюбливали – за старые дела, за то, что наша армия помогла австрийцам подавить восстание 1848–1849 годов. Но и друзей у нас там было не так уж мало, и партизанские отряды имелись, и Компартия в подполье действовала. В общем, ситуация была не самая простая...

Переглянулись мы с замполитом и печально покивали друг другу – задачу на нас взвалили сложную (правда, пару раз мы уже с таким сталкивались, так что кое-какой опыт имелся). Придется потрудиться, Я вовсе не хочу сказать, что наши бойцы, оказавшись на постое в таких вот домах, вели себя, как орда диких вандалов, крушивших все вокруг. Но война есть война, народ попадался самый разный, имущество было бесхозное, и отношение к нему было, как бы это сказать, весьма легкомысленное. Всех оттенков – от практического до чисто хулиганского. Человек хозяйственный срежет кожу с кресел, чтобы состроить дома фасонные сапоги, или прихватит в вещмешок что-то, что может пригодиться дома в хозяйстве, или просто понравилось: статуэтки, всякие безделушки, небольшие картинки и тому подобное. Признаться, на это смотрели сквозь пальцы, если не было конкретного приказа...

– Обрати внимание, – сказал замполит. – Насчет мелочовки в наших с тобой приказах ничего не сказано.

– Вот и отлично, – сказал я. – Одной заботой меньше...

Мы прекрасно поняли друг друга: ага, тот самый случай, когда приходится кое на что закрывать глаза. Не подлежало сомнению, что когда рота отсюда уйдет, вместе с ней улетучится и вся помянутая мелочовка, от красивых безделушек до вещей, и в самом деле в хозяйстве нужных, вроде столовых приборов, что я сам видел в кухне, – серебряные, позолоченные ложки-вилки-ножи с графским гербом. А кто-то из братьев? славян с той самой хозяйственной жилкой упрячет в «сидор» и серебряные кофейники-тарелки, а то и блюдо, которым волка убить можно. На войне как на войне...

План действий мы составили быстро, благо некоторый опыт имелся. Замполит через свой партийный актив и комсorghов должен был провести соответствующую разъяснительную работу, доходчиво объяснить: при новой власти тут будет музей, народное достояние, так что ничего не ломать, не портить, мужчинам на портретах в рот папироски не пихать, а женщинам усы не подрисовывать. В таком вот ключе. Ну а я, со своей стороны, через взводных и отделенных доведу до сведения личного состава: шуток не будет, в случае чего гауптвахтой не ограничится – штрафные роты еще никто не отменял...

Ковры мы после короткого совещания решили все до одного свернуть в рулоны и упрятать в подвал и в кладовки – в подвале не один только винный погреб, а кладовок, я уже знал, несколько, и ключи от всех замков у хозяйственного Иштвана имеются. Рабочие команды сколотим быстро из ребят поздоровее. Вот и все вроде бы?

– Да, а эти две картины, особо ценные? – спохватился замполит. – По уму, их бы тоже куда-нибудь под замок упрятать надо...

– Необходимости не вижу, Сергеич, – сказал я, ухмыляясь. – У них и без того сторож хороший. Вот они, полюбуйся. Охотничий домик у тебя за спиной висит, а графиня Эржи – вот она, собственной персоной, можешь любоваться бесплатно, пока тут не музей и билетов не продают...

– Иди ты! Точно?

– Точнее некуда, – сказал я. – Мне дворецкий объяснил.

На охотничий домик он оглянулся мельком – а вот перед портретом юной графини (если ей и было больше двадцати, то ненамного) простоял гораздо

дольше, и я его вполне понимал: редкостная была красавица, живи такая сейчас и назначь свидание – верст десять по грязюке бы отмахал...

– Красоточка была, – сказал замполит наконец, покрутив головой (он был постарше меня всего-то года на три и уж кем не был, так это сухарем). – Потанцевать бы с такой вальс на каком-нибудь балу...

– Рылом мы с тобой не вышли, Сергеич, – сказал я. – У тебя предки что делали двести лет назад?

– Ну, что... Барскую землю пахали.

– Вот и рубил бы ты дрова возле кухни во время этого бала. У меня с родословной чуток получше, мои в те времена были вольными питерцами, в основном по аптекарскому делу, но и их кто бы пустил туда, где с графинями вальсы танцевали...

– Это понятно, – кивнул он и добавил с некоторой грустью: – А ведь танцевал кто-то...

– Боюсь, недолго.

– Это почему?

Я рассказал ему все, что слышал от Иштвана. Замполит выразился о пожилом ревнивом супруге непечатно – и отправился собирать свой актив. Решив не откладывать, я собрался позвать ординарца Пашу, чтобы собрал взводных и отделенных, но Верзилин сам возник на пороге, козырнул и отрапортовал браво:

– Товарищ капитан, там приехал какой-то комиссар из Дебрецена. Так и назвался – комиссар Временного правительства, вас спрашивает. Говорит, вы должны быть в курсе.

– В курсе, – сказал я. – Там с ним должны быть еще двое...

– Ага, есть такие. Только они явно вроде меня – ординарцы или что-то такое. Сразу ж видно, кто начальник, а кто подчиненный.

– А как ты с ними договорился?

– Так он по-русски говорит неплохо. Серьезный мужик, сами увидите... – добавил он загадочно.

– Ладно, зови. И на всякий случай насчет угощения там что-нибудь расстарайся, Иштвана озадачь.

– Это мы мигом, – заверил Паша. – Винный подвал вы заперли, а другое, с продуктами, запереть что-то никто и не подумал. Мама родная, чего там только нету! Окорока, колбасы, в леднике гуси-поросся... Если прикинуть, всей роте на хороший ужин хватит.

Я подумал: пожалуй, нужно поручить Иштвану запереть и «продсклад». А потом помаленьку пускать на допмаек – все равно добру пропадать. Благо даже официальная формулировка есть: «На нужды действующей армии...»

Буквально через пару минут вошел комиссар – примерно моего роста, в венгерской военной форме без погон и офицерской фуражке (вместо кокарды – трехцветная ленточка цветов венгерского флага и такая же повязка на рукаве), с кобурой на поясе. По тому, как он снял фуражку, я сразу понял, что комиссар человек сугубо штатский – есть нюансы, которые наметанный военный глаз сразу отличит. Сначала он мне показался если не стариком, то безусловно пожилым: виски седые, и в волосах изрядно седины. Однако вскоре я понял, что ему, пожалуй, нет и сорока, судя по лицу без морщин. А когда он представился:

– Комиссар управления по делам искусств Янош Приклер.

И протянул руку...

На правой руке у него не было ногтей. Ни одного. Выглядело так, словно их аккуратно содрали, и достаточно давно – а кто еще мог тут заниматься подобными художествами, как не политическая полиция старого режима? Похоже, наш парень, правильный и проверенный, то-то и в комиссарах. Хлебнул, надо понимать, горького – отсюда и ранняя седина...

– Вот мандат, товарищ капитан.

Что ж, все честь по чести: бланк на плотной бумаге с грифом Временного демократического правительства, текст напечатан по-венгерски и по-русски, с венгерскими и советскими печатями. Комиссар Янош Приклер «и с ним двое сопровождающих». Управление по делам искусств. Что ж, серьезные ребята обосновались в Дебрецене – еще война не кончилась, еще Будапешт не взят, а правительство, даром что временное, уже озаботилось делами искусств. Правильные люди.

Он посмотрел через мое плечо на портрет графини:

– Значит, картины оказались у вас в комнате...

– Так получилось, – чуть развел я руками. – Какую отвели, в той и поселился. Кто же знал... Если это так для вас важно, могу уступить комнату вам. Приказано оказывать всяческое содействие...

– Ну что вы, товарищ капитан! – энергично запротестовал он. – Вы здесь в некотором роде хозяин, к тому же старший воинский начальник. К тому же (он улыбнулся – скупой, так что осталось впечатление, что человек этот улыбается крайне редко)... Конечно, это ценные картины, но все же не настолько, чтобы круглые сутки сидеть возле них с пистолетом... особенно в доме, где находится рота советских солдат.

Он подошел к картине и долго разглядывал ее, как давеча замполит. (И, совершенно как замполит, почти не обратил внимания на картину с охотничьим домиком.) Правда, выражение его лица (он стоял ко мне вполоборота) было совершенно другое: ни любопытства, ни тени восхищения (безусловно, у замполита присутствовавшего) – скорее уж этакий холодный интерес исследователя. По моему мнению, гораздо более уместный у человека лет на тридцать постарше. Ну что, надо полагать, человек, вышедший из политической полиции полуседым лет в сорок и потерявший там все ногти на правой руке, наверняка будет скуповат на чувства и эмоции...

Наконец он повернулся ко мне и сказал:

– И все же редкостная была красавица...

Но и это было произнесено, в общем, без выражения, с тем же холодным интересом исследователя, узревшего в микроскоп особенно красивую бактерию. И тем не менее, несмотря на эту холодность, он мне понравился – как-то сразу располагал к себе. И я подумал, что мы с ним сработаемся.

От угощения он отказался вежливо, но решительно, сказал, что хорошо пообедал перед выездом. И мы как-то легко и непринужденно перешли к делу. Я рассказал, какие меры мы с замполитом собираемся предпринять, поинтересовался, нет ли у него дополнений и пожеланий. Таковых не оказалось. Он рассказал о своем поручении: в задачу его группы входило составить полный каталог находящихся в доме картин, старинной мебели и ковров. Как выяснилось, после окончательного освобождения страны новые власти и в самом деле собирались устроить здесь музей наподобие тех, что у нас, я слышал (но сам уже не застал), существовали в двадцатые годы: музей помещичьего быта, дворянского, купеческого и, кажется, еще какие-то подобные. Так и здесь: музей – охотничий домик отмененного новейшей историей феодала (то бишь господина графа, оказавшегося хозяином чуть ли не всей округи, земель ему принадлежало впечатляющее количество).

Комнату мы им нашли – они сказали, что хотят поселиться в одной. На довольствие поставили, с правилами внутреннего распорядка ознакомили. После чего я взял Яноша с собой в столовую, где Паша уже собрал отделенных и взводных. Пришел и замполит со своим активом. Там все окончательно и обговорили.

(Что характерно, как я выяснил обиняками, то, что подходило под категорию «мелочовки», Яноша не интересовало совершенно, а значит, в карманах и «сидорах» моих орлов все же осядет немало интересных мелочей – к чему командир с моим стажем должен относиться философски – не нами заведено, не на нас и кончится...)

К себе в комнату, покончив со всеми делами, я вернулся, когда уже близились сумерки. И еще в коридоре подумал, что одно все же упустил: совершенно не подумал об освещении. Электричества в доме не было, в некоторых комнатах висели под потолком большие керосиновые лампы, напоминавшие скорее люстры, – но не в моей. Вот чем следовало срочно озаботиться – не сидеть же в темноте, тем более сейчас еще весна, темнеет рано, а мне с документами работать. Выход подворачивался самый простой: позвать Пашу и приказать раздобыть керосиновую лампу, такую, чтобы можно было поставить на стол (так

их тут хватает, я уже знал, и керосин в подвале имеется).

Проблема разрешилась сама собой: после деликатного стука объявился Иштван с каким-то бумажным свертком под мышкой и, отложив его на столик у двери, в два счета вывел меня из затруднения. Оказалось, большой, чуть ли не в метр высотой цилиндр на стене, по поводу которого я мимоходом поломал голову, и есть масляная лампа под названием «клинкет». Ну конечно, господин граф у себя в покоях пользовался изобретениями классом повыше, чем прозаическая керосиновая лампа.

Оказалось, очень простая в обращении штука – как только Иштван мне показал, как ее зажигать, регулировать пламя и выключать. И освещала спальню довольно ярко – не всегда, надо полагать... Ну, а я выкрутил огонь почти на полную – мне еще предстояло и бумаги читать, и пистолет чистить.

Иштван потоптался у порога, поглядывая на меня как-то странно, а потом решился: развернул свой сверток и поставил на столик две темные бутылки в паутине, в точности такие, какие я видел в подвале на стеллажах. Пояснил:

– Я как старый солдат прекрасно понимаю: в таких случаях простых солдат в винные подвалы допускать никак нельзя, а господа офицеры, и уж тем более командир части, пользуются некоторыми привилегиями и презентами...

Он меня откровенно забавлял: старый солдат... Через полгода после начала войны угодили в плен и шесть лет пересидел где-то в Сибири все бури, что пронесли над Россией и Венгрией... Сделав суровое лицо, я сказал:

– Так-так-так... Значит, есть все же второй комплект ключей?

– Клянусь Пресвятой Богородицей, нету! – Иштван истово перекрестился. – Видите ли, господин капитан, прошло три дня с того времени, как уехал господин граф и появились вы. Все имущество, строго говоря, оставалось бесхозным, и я позволил себе прихватить маленькую корзиночку, совсем маленькую... Вот, остались две бутылки для вас как по заказу. Я так полагаю, армия у вас серьезная, и граф уже не вернется, как, мне рассказывали, вернулся в девятнадцатом году...

– Уж это точно, – сказал я.

– Вот видите, как все отлично складывается. Это токай урожая двенадцатого года, с виноградника на горе (он произнес название букв этак из двадцати пяти, тут же выскочившее у меня из памяти). Разрешите, я поставлю сюда, в шкафчик? Тут и специальные тряпочки, чтобы обтирать пыль и паутину, и набор бокалов, и штопоры. У господина графа были свои причуды: иногда, вечером, он садился в это вот кресло и выпивал бутылочку-другую токайского, разглядывая графиню Эржи... И не терпел, чтобы ему при этом прислуживали. Разрешите идти, господин капитан?

– Идите, – сказал я, – только смотрите у меня: вино среди офицеров не распространять.

– О, что вы, господин капитан, это были последние бутылки. Желаю приятного времяпровождения!

И он улетучился почти бесшумно – старая школа...

Сняв ремень с кобурой и португеею, я плюхнулся в кресло – и в самом деле поставленное прямо напротив портрета графини Эржи, и рядом маленький столик, как раз для бутылки с бокалом (пожалуй, уместятся еще пара блюдеч с какой-нибудь закуской).

На войне монахов, признаться, не бывает. В другое время я без всякого внутреннего борения немножко врос бы в быт отмененного историей феодала – обтер бы от пыли одну из бутылок и посидел часок, разглядывая двести лет назад отравленную красавицу. Вот только сегодня времени не было категорически: документы требовали вдумчивого прочтения к завтрашнему утру (а пара-тройка – и резолюции), да и чистку оружия я никогда не откладывал на завтра по въевшейся привычке. Так что подождет до завтра токай урожая двенадцатого года, когда меня и на свете-то еще не было...

Письменного стола здесь, конечно, не было – зачем он в спальне, где его сиятельство занимался чем угодно, только не сухой канцелярщиной? Поэтому пришлось проявить солдатскую смекалку: усевшись в кресло напротив портрета, я положил на колени планшет, а уж на него – стопку бумаг. Получилось вполне удобно, и с канцелярией я разделался минут за сорок, задолго до полуночи. Убрал ее в планшет, тщательно застелил столик дивизионными газетами, выщелкнул обойму, дважды передернул затвор во избежание нехороших

случайностей и приготовился разбирать пистолет, аккуратно разложив рядом все причиндалы.

Внезапно возникшее беспокойство было не острым, но никак не проходило. На войне к такому чувству привыкаешь относиться очень серьезно – сплошь и рядом такое чутье, пресловутое шестое чувство, никогда не приходит просто так и не подводит, сулит неприятности. Вот только откуда ему взяться не на передовой, не в движении колонны, а в доме, битком набитом солдатами? И все же оно упорно не проходило...

Не было ни страха, ни тревоги, я легко взял себя в руки – не та обстановка вокруг. Прежде всего следовало определить источник, а уж потом будет ясно, как поступать и что делать – если вообще понадобится что-то делать...

Итак. Я сижу за столиком, на котором лежит готовый к разборке, чистке и смазке пистолет. За спиной у меня – портрет умершей двести лет назад юной красавицы, но от него никакого беспокойства не исходит, ни ощущения пристального, сверлящего взгляда в спину, ничего такого, никакой угрозы. Спина у меня полностью безопасна – выработанное на войне чутье не подводит. Да и какая угроза может исходить от портрета умершей сотни лет назад красотищи, пусть и не самых строгих правил?

Передо мной... Передо мной: ярко освещенная клинкетом картина – редколесье, широкая тропа, охотничий домик вдали...

Но только это была другая картина!

Вроде бы ничего не изменилось с того момента, как я увидел ее впервые, – деревья в летних листьях, кустарник, изрытая колесами и копытами тропинка, охотничий домик вдали: высокая острая крыша, вычурные водопроводные трубы, клумбы у невысокого, в три ступеньки крыльца...

Но сейчас там была ночь!

Когда я пришел сюда в первый раз, на картине был ясный, солнечный день – в точности как за окном. А сейчас – темная ночь... снова в точности такая, как за окном. И полная луна стоит почти над крышей охотничьего домика... В точности такая, как настоящая полная луна стоит над недалеким лесом. И я отчетливо

видел, как что-то мелкое, вроде белки, пронеслось по стволу одного из стоявших близко к раме деревьев, а затем исчезло в кроне. Что же, картина была живая?

Страха не было – только безмерное, необъятное, не вмещавшееся в сознание удивление. Такого не должно было быть, но оно происходило наяву, я не спал и не бредил.

Первая мысль была, что скрывать, чуточку панической: бежать куда-то, позвать кого-то, показать... Но ее тут же задавили и смяли мысли насквозь трезвые и холодные: кого звать? Что показать? Картину с ночным пейзажем и полной луной? И доказывать с пеной у рта, что днем картина была совсем другая, с дневным солнечным лесом? Хорошенькое же мнение составит о командире роты, черт-те что будут подозревать, от неумеренного питья графского алкоголя до внезапного приступа сумасшествия, какой случается на войне...

Иштван? А если он представления не имеет, как ведет себя одна из картин в замке графа? Или знает, но намертво промолчит? Пытать его, что ли? А арестовывать не за что. Вот и выходит, что с этой загадкой мне придется разбираться в одиночку – тем более что опасности от нее пока что не исходит...

Я оглянулся на портрет – там все было в порядке, графиня, как изображению и подобает, смирнехонько стояла у стола в прежней позе, положив на него ладонь, все с той же легкой улыбкой, лукавой и загадочной. Никак не походило, что от нее следует ждать каких-то сюрпризов. Прекрасно можно было разглядеть кракелюры – микроскопические трещинки, что всегда остаются на старинных полотнах. Уж такие вещи знают и недоучившиеся искусствоведы. Так, а это у нас что?

Слева, примерно на высоте половины рамы, среди золоченых разводов пышной массивной рамы виднелось нечто, чего я раньше на рамах старых картин не видел: распятие размером с мою ладонь – очень похоже, что серебряное, тонкой работы, начищенное. Никогда с таким не сталкивался и не слышал, чтобы на рамы прикрепляли какие-нибудь украшения, тем более распятия. А на противоположной стороне рамы, на правой... Нет, не распятие, нечто более загадочное: бляшка опять-таки размером с мою ладонь, кажется, тоже серебряная. Посреди – странный вензель, вокруг надпись на непонятном языке, кажется, по-латыни, хотя я утверждать бы и не взялся.

Попробовал ногтями и распятие и бляшку – ничего не получилось, как бы они ни были прикреплены, прикреплены на совесть. Самая настоящая картина, и точка.

Осененный внезапной догадкой, направился к пейзажу с охотничьим домиком. Только сначала взял висевший на высокой спинке кровати ППС и передернул затвор. Кому-то, может, и будет смешно, но посмотрел бы я на него на моем месте... Осторожно потыкал дулом автомата в картину. Она чуточку подалась именно так, как должен был податься под легким нажимом натуральный холст. И я в картину не провалился, и на меня оттуда ничего страховодного не выпрыгнуло. Тоже самая настоящая картина – вот только ведет себя как-то странно, словно это не картина, а зеркало, отражающее старательно время суток. Луна на ней чуточку передвинулась точно так же, как настоящая луна за окном...

А если взглянуть, что у нас слева? А слева у нас в точности такое же распятие, как на портрете графини, – и присобачено также на совесть. А вот справа... А справа на том месте, где на портрете графини красуется украшение в форме щита с непонятным вензелем и непонятной надписью, зияет дыра чуть потоньше моего мизинца. И сразу видно, что щиток выковыряли совсем недавно, то ли отверткой, то ли стамеской, то ли еще чем-то острым, свежая древесина белеется, и щепочки вокруг дырки видны...

Черт! Я никак не мог ошибиться. На втором этаже охотничьего домика слабо светился огонек – то ли свеча, то ли светильник, одним словом, что-то старинное, соответствующее веку, когда картина была написана. И что-то вроде белки опять пронеслось по стволу, на сей раз сверху вниз, пропало в кустарнике. Картина явно жила своей жизнью, причем не похоже, чтобы собиралась вмешиваться в мою – и на том спасибо.

Вот и все скудные результаты моей искусствоведческой экспертизы – покажите мне, кто в таких условиях сделает больше... А потому я повесил автомат на место, сел за столик – правда, лицом к пейзажу – и принялся разбирать пистолет. Привычное занятие очень быстро вернуло полное душевное спокойствие, и я быстро понял, что ничегошеньки сделать не могу и жить мне с этой картиной в одной комнате и дальше.

А собственно говоря, что я мог сделать? Вызвать кого-нибудь из начальства или из «Смерша»? Так они и приехали после моих сбивчивых объяснений... Позвать Яноша – как-никак комиссар по делам искусств? Еще большой вопрос, согласится

ли он сидеть у меня в комнате несколько часов и смотреть, как меняется картина, как зеркально отражает время за окном. Написать письмо в Ленинград моему преподавателю и рассказать, с чем я в Венгрии столкнулся? Во-первых, неизвестно, жив ли он, перенес ли блокаду, а во-вторых, это письмо не уйдет дальше военной цензуры, откуда прямиком попадет к психиатрам, тут и гадать нечего.

Одним словом, почистив пистолет, я уже был спокоен, как удав. Время от времени поглядывал на картину, но она не менялась, даже огонек на втором этаже погас. В конце концов выход я нашел простой и незамысловатый: принес из шкафчика одну из бутылок Иштвана, старательно стер пыль, уселся лицом к портрету, повторяя графа, налил бокал темно-рубинового нектара – это и в самом деле оказался нектар, – приподнял:

– Ваше здоровье, графиня! Интересные вещи тут у вас происходят...

Честное слово, я бы не удивился, шевельнись она, налей себе бокал розового из графина и приподними его в мою честь. Но она, конечно, не шелохнулась, так и стояла у стола, улыбаясь загадочно и лукаво, и грустно было оттого, что ее без малого двести лет как нет в живых...

Первое время я, признаться, оглядывался через плечо на картину с охотничьим домиком – без страха или беспокойства, просто мало ли что от таких картин можно ожидать. Но там ровным счетом ничего не происходило, даже белка не бегала. Что она такое, я и не пытался гадать – первый раз о таком слышал и первый раз видел своими глазами. Вот о статуях в Европе издавна ходили разные слухи, иногда довольно страшные, – но тут была картина, на ощупь ничем не отличавшаяся от обычных картин...

Вот так я посидел с часок, помаленьку допивая нектар постарше меня возрастом, смотрел на графиню и, кажется, понимал обреченного историей графа, проводившего перед ней долгие вечера. Ну, а вторую откупоривать не стал – знал свою меру, завтра предстояло вставать рано и с головой окунуться в хлопоты.

Смешно, но перед тем, как раздеваться, клинкет я погасил, так что комната освещалась заходящей луной – неудобно как-то было раздеваться при графине, пусть даже перед портретом. Пистолет я под подушку все же положил и

автомат прислонил к креслу – кто ее знает, картину эту...

Зря беспокоился. Когда проснулся рано утром, все было в полном порядке – на картине стоял тот же солнечный рассвет, что за окном, и ничего живого там не двигалось, ни зверей, ни людей. Ну а красавица графиня стояла в прежней позе, с той же улыбкой – обращенной, чуточку жаль, не ко мне. И опять-таки смешно, но одеваться я ушел в дальний угол спальни, куда ее взгляд не достигал. Сам над собой подсмеивался чуточку, что отношусь к ней, как к живой, но так уж получилось...

Забот с утра был полон рот. Нельзя давать бойцам расхолаживаться в таких вот чуть ли не курортных условиях, а потому я объявил до обеда несколько часов строевой подготовки, а после обеда – пару часов огневой. С последующей чисткой оружия. Особо распорядиться не пришлось, взводные и отделенные дело знали.

Учения, ротные минометы, ротные пулеметы, склад ГСМ, медсандбат, автопарк... Все там было, как надлежит, но хороший командир должен постоянно обозначать свое присутствие. Если отдельным нестойким элементам и удалось раздобыть спиртного (в той же близлежащей деревне выменять на керосин или соль – самый ходовой обменный товар у мирного населения в войну), то замаскировались они так надежно, что без специальных поисков не сыщешь, а кто бы ими занимался? На многие мелочи на войне, особенно на постое, смотрят сквозь пальцы, лишь бы завтра были в норме. Я и сам был не без греха с этими двумя бутылками токайского, что ж облаву-то устраивать?

Напоследок, покончив со всеми делами, прошелся по трем этажам. Дисциплина была на уровне: мой приказ и приказ запмполита выполнялись четко: ни картины, ни мебель нисколько не подпорчены, хоть завтра музеи открывай. Комиссар Янош и его ребята работали старательно: переписывали в большие блокноты всю обстановку – и работы, судя по всему, им предстояло еще много. Я перекинулся с комиссаром парой слов, но особо задерживаться не стал: люди заняты делом, а я, собственно, со всеми делами покончил. И пошел к себе – до ужина еще было время. Не хотелось самому себе в этом признаваться, но мне было чертовски любопытно: как там с картиной обстоит? Я в Бога как-то не верил, а уж тем более не верил во всякую чертовщину, в жизни не сталкивался. Да и потом, кто сказал, что это непременно чертовщина? Серой оттуда не шибало, рогатые рожи ни вечером, ни ночью оттуда не лезли, так что для завязанного материалиста давно уже существует удобная формулировка:

«Необъяснимое!» Сегодня необъяснимое, а завтра, глядишь, получит полное научное объяснение трудами самой передовой в мире советской науки...

Еще издали я увидел, как из дверей моей комнаты выходит верный адъютант Паша Верзилин – время позднее, ужин принес, конечно, одна из маленьких привилегий ротного.

– Ужин, Паша? – спросил я.

– Не совсем наш, – ухмыльнулся он. – Дедуля Иштван постарался. Раздобыл все же в деревне пару служанок и повариху, чтобы готовила господину старшему офицеру, то есть вам. Вот она и приготовила, а я принес. Очень он к вам большое почтение испытывает, старая военная косточка.

– Ага, – сказал я. – Старая косточка. Полгода фронта и шесть лет отсидки в глуши подальше от войн и революций.

– Да рассказывал он мне уже... Шустряк по жизни. Я завтра за посудой зайду, ага?

– Лады, – сказал я и вошел в комнату.

Там совершенно ничего не изменилось. Графиня Эржи по-прежнему стояла у стола, положив на него узкую ладонь, а в пейзаже с охотничьим домиком сгущались те же сумерки, что и за окном. Но я уже начал как-то привыкать – в конце концов, вреда от картины на было никакого, ночь проспал с ней рядом, и ничего страховодного (в которое я нисколько не верил) оттуда не вылезло.

Уже привычно я зажег клинкет, обернулся к столику. Старый вояка Иштван постарался на славу – тут и тарелка с гуляшом, и блюдо с нарезанной ветчиной, и колбаса, и еще что-то, непонятное мне по названию, но явно венгерское. Пожалуй, к такому ужину не грех будет достать и вторую бутылочку токайского, благо ни срочных дел, ни неожиданных визитеров сегодня не предвидится. Полевой телефон мне уже провели, если понадобится – позвонят.

Я полез в шкафчик за бутылкой, бокалом и всем прочим. И, уже достав все, вдруг остановился как вкопанный.

В углу комнаты что-то явственно шевельнулось.

Мелкое такое, неопасное, насквозь знакомое...

Тьфу ты, белка! Самая обыкновенная, ничем от наших не отличавшаяся. Стояла на задних лапках, зажав в передних ломтик хлеба, по-европейски нарезанный треугольником, – со столика сперла, конечно, из хлебницы и тарасилась на меня как-то выжидательно, без всякого испуга, словно я ей чем-то мешал. Интересно только, откуда она здесь взялась? Окно большое, высокое, старинное, его можно распахнуть на петлях, как дверь, но сейчас оно закрыто, и никакой форточки там не имеется.

Я отступил на пару шагов, к шкафчику, чтобы не пугать зверушку. С таким видом, словно она от меня этого и ждала, белка проворно пропрыгала к картине с пейзажем. Нижняя кромка золоченой рамы располагалась совсем близко от пола, если сравнивать с лестницей, то не выше ступеньки, – и белка лихим прыжком запрыгнула в картину! Еще несколько секунд – и пропала среди деревьев в густеющих сумерках!

Вот тут я от удивления едва не совершил вандализм, который ни за что бы не одобрили ценители тонких вин: чуть не выронил бутылку токайского девятьсот двенадцатого года выдержки с горы с непроизносимым названием. Удержал в последний миг, аккуратно поставил на шкафчик вместе с бокалом, подошел к картине вплотную, не испытывая ровным счетом никакого страха: в привидения я что-то не верю, да и ни разу не приходилось слышать о привидениях-белках, ворующих хлеб со стола.

Подойдя вплотную, я увидел, что картина изменилась. Больше не было живописного полотна с микроскопическими кракелюрами, передо мной оказалось словно бы окно в дополнение к уже имевшемуся в комнате, разве что без стекол и оконных переплетов, пустой проем – и показалось, что оттуда веет теплым летним ветерком – на той стороне было лето, и ветерок в самом деле шевелил листву и кустарник.

Любопытно, конечно, стало страшно. Во всякую и всевозможную мистику я не верил, да и не усматривалось тут пока что никакой мистики – просто-напросто проем в какое-то другое место, где сейчас не весна, а лето. А уж белка, которая таскает хлеб со стола, – настолько не мистическая деталь...

Я искусствовед, хоть и призванный с третьего курса. Искусствоведы, в отличие от физиков, химиков и представителей других схожих наук, экспериментов не ставят – ну, разве что иногда с красками и лаками, но тут совсем другая ситуация. Какой-то эксперимент, да надо провести, хотя бы чтобы понять, с чем я таким столкнулся...

После некоторого размышления я достал из кармана спичечный коробок и, не размахиваясь особенно, кинул его на ту сторону. И ровным счетом ничего не произошло: коробок упал этикеткой вниз шагах в пяти от рамы да так и остался лежать. Никаких звуковых или световых явлений. Что бы там ни было по ту сторону, на спички оно не реагирует.

Что бы еще придумать? Вспомнив, как я вчера тыкал в полотно дулом автомата, расстегнул кобуру, хотел просунуть на ту сторону ствол пистолета – осторожности ради не на всю длину. В последний миг передумал: а если это пропускает дерево свободно, но сунь туда металл, шарахнет чем-то вроде короткого замыкания, от чего и мне неслабо достанется? Отставить, есть другой вариант...

Я достал из ножен финку с цветной наборной ручкой из плексигласа – который, как известно, неплохой изолятор. Держа ее пальцами так, чтобы не коснуться наверхия из нержавеющей стали, просунул на ту сторону лезвие сантиметров на десять. И снова ровным счетом нечего не произошло, ни вспышки, ни разряда. И что дальше? Из всех доступных мне методов эксперимента остается один – сунуть туда палец, какой не особенно жалко, скажем, мизинец на левой. Нет, не пойдет – а если этот проем мне палец отхряпает, объясняй потом, как ты в мирных условиях допустил членовредительство? За такое на фронте по головке не гладят, будь ты хоть капитан, хоть полковник...

И что дальше? Скрывать такой феномен никак не годится. Нужно сообщить. Как? Позвонить по полевому телефону в штаб батальона или в тамошний «Смерш»? То-то там повеселятся, услышав такой звонок, и первым делом начнут рассуждать, которые сутки комроты запоем пьет, что у него проемы в другой мир открываются и оттуда белки скачут, чтобы хлеб красть. Я лично на их месте так и подумал бы. Самому туда ехать на ночь глядя? А что я им могу предъявить в доказательство? Как ни крути, а придется так и оставить все до завтра, потому что утро вечера мудренее. А если и утром все будет продолжаться, позову Яноша, он как-никак по делам искусств, и домик этот вместе со всей обстановкой – теперь собственность новой народной власти. Вот пусть будущие

основатели музея и ломают голову над феноменами – тем более что это их феномены, а я сюда воевать пришел, а не неразгаданные загадки природы решать. Поужинаю я сейчас наконец, приму в меру токайского нектара и лягу баиньки. Будем надеяться, что в следующий раз оттуда вместо белки медведь не вылезет, а если и вылезет – сплю я чутко и автомат рядом положу. И будет такое доказательство, что лучше и не придумаешь – вот проем, а вот павший в результате искусствоведческого эксперимента медведь, прошу любить и жаловать, всё налицо...

Я еще раз посмотрел в проем (там ровным счетом ничего не происходило, только деревья шелестели под ветром и в домике не горело ни одно окно), взял бутылку, бокалы, штопор и повернулся к столу, чуточку гордясь тем, что не боюсь сидеть спиной к проему – а вы бы на моем месте не гордились чуточку?

И вот тут уж форменным образом оцепенел, едва не выронив ношу.

Прекрасная графиня Эржи Патторай больше не стояла на месте, у стола с графином. Как самый обычный человек, она прохаживалась вдоль невидимой преграды, отделявшей раму от окружающего мира, – чуточку нервно, с нахмуренным очаровательным личиком. Время от времени трогала эту преграду узкой ладонью в самоцветных камнях, и всякий раз от ладони расходились неширокие круги, как бывает, когда в воду падает маленький камешек. И каждый раз ее лицо становилось все более грустным. Сразу ясно: в отличие от неразумной белки девушка попасть в наш мир не могла...

В другое время волосы, быть может, и встали бы у меня на голове дыбом – но после того, как я только что столкнулся с ожившей картиной, откуда выскочила белка и прозаически сперла у меня хлеб, появился, если можно так сказать, некоторый иммунитет к чудесам и диковинам. Так что я поставил свою ношу на столик и подошел вплотную к картине. Как и с первой, я уже не увидел полотна с кракелюрами – словно еще одно окно в другой мир без стекол и оконных переплетов...

Она увидела меня! Подошла в два легких шага, нас разделяла какая-то пара сантиметров пустого прозрачного воздуха, но когда она подняла ладонь, чтобы дотронуться до моей ладони, что-то ее не пустило – как не пустило и мою ладонь. Только с ее стороны вновь нешироко разбежались и растаяли круги наподобие волн. Непробиваемая была преграда. Ее личико вновь омрачилось, она, понурясь, сказала что-то, но я не расслышал ни слова – чертова преграда не

пропускала ни звука. Я поднял пальцы к ушам, покрутил головой. Кажется, она поняла, что я ничего не слышу.

Ситуация... В планшете у меня лежал блокнот и карандаши, но как бы я переписывался с девушкой, чьего языка совершенно не знал? А вдруг она знает немецкий?

Сходить за планшетом я не успел: ее лицо вдруг озарилось надеждой, она легко отбежала в правый, если считать от меня, угол картины, стала настойчиво показывать пальцем на один и тот же кусок рамы. Ах, вот оно в чем дело... Там красовался тот серебряный щиток, что я уже видел вчера, – странный вензель и надпись вокруг.

Она смотрела на меня с надеждой, даже с мольбой, не отводя указательного пальчика с крупным самоцветом от загадочного щитка. Охваченный внезапной догадкой, я, быть может, невежливо отвернулся и в три шага оказался возле левого угла рамы. Там, где я вчера видел распятие тонкой работы, зияла дыра, окруженная свежими щепочками. Быстрыми шагами прошел к пейзажу. Там уже не было и распятия. Ну вот, кое-что начинает проясняться. Как бы это ни называлось – ключ, печать, – когда их не стало, пейзаж заработал на обе стороны. И белка преспокойно оттуда вылезла, чтобы стянуть хлебушка. А у красавицы взяли только распятие, она смогла двигаться, но в наш мир попасть не может. Ничего сложного. Интересно, кто постарался? Вообще-то подозреваемых у меня было двое, но не об этом сейчас надо думать. Какая она все же красивая...

В конце концов, на свете есть язык жестов... Я достал финку, сделал движение, будто отковыривало щиток, как рычагом, потом показал на нее пальцем, а двумя другими изобразил ноги, идущие от картины в спальню. Она поняла моментально, закивала с яростной надеждой на лице. Ну как советскому офицеру не помочь такой девушке? В особенности когда неразумные белки спокойно шастают туда-сюда и даже нагло хлеб воруют...

Финка у меня была превосходно отточена – не пижонства ради, а для облегчения беседы с каким-нибудь наглым супостатом. И минуты не прошло, как справился. Показал ей щиток, держа его большим и указательным пальцами. Она, словно все еще не веря, подошла вплотную к раме, протянула руку... и рука оказалась на другой стороне! Настолько близко от моей, что я не удержался от лихого поступка: отбросил глухо стукнувший о паркет щиток, протянул руку, взял ее

ладонь и помог ей сойти на пол – нижняя рама портрета тоже располагалась на высоте ступеньки.

Не понадобилось никакой особенной лихости. Никакое это не привидение, в которые я не верю: я держал в руке узкую теплую ладонь совершенно живой девушки, от которой пахло незнакомыми, но приятными духами. Она светилась радостью (как любой на ее месте, освободившийся из такого заключения), но и смотрела на меня удивленно: ну конечно, такой формы в жизни не видела... Чуть удивленно, чуть настороженно, словно не знала, чего от меня ждать. А я ломал голову: с чего начать общение с девушкой из восемнадцатого века?

Но гадал недолго. В восемнадцатом веке офицер был нешуточной фигурой, чем-то для нее привычным, а потому я вытянулся, как на смотре, браво щелкнул каблуками, поклонился на старорежимный царский манер и представился:

– Капитан Кирилл Кондрашин!

Вот тут ее взгляд определенно потеплел, она наклонила голову, я бы сказал, величественно:

– Контесса Эржи Палоттаи.

И добавила еще несколько фраз, из которых я не понял ни словечка – мадьярский, конечно. Беспомощно пожал плечами. Чуть приподняв брови, она заговорила, полное впечатление, уже на другом языке – по-моему, в нем угадывались отдельные немецкие слова, но общего смысла я не понимал – ну конечно, двести лет назад немецкий язык был совсем другим... Пришлось точно так же пожать плечами. Дурацкая сложилась ситуация: хоть ты тресни, а объяснить нельзя...

И все же она заговорила, помогая себе выразительными жестами, – показала на портрет (где оставался один лишь стол с графином), сделала из пальцев решетку, посмотрела на портрет сквозь нее, брезгливо поджав розовые губки, покосилась на валявшийся на паркете щиток, сделала неопишемую гримаску, потом широко улыбнулась, шагнула легко ко мне и поцеловала в щеку. Смысл этой пантомимы был ничуть не загадочный: здесь была ее тюрьма, а я ее освободил, за что и удостоен благодарности.

И ведь нужно было как-то найти общий язык, не стоять друг против друга немymi статуями! О необычности происшедшего я не задумывался нисколько, такая уж у меня приземленная материалистическая натура, – а вот общение как-то наладить нужно. Тем более с такой девушкой, при каких бы диковинных обстоятельствах она ни появилась.

Толковая идея пришла довольно быстро. Я прошел к изголовью кровати, достал из висевшего там планшета блокнот и карандаш, самым галантным жестом, на какой был способен – как-никак графиня, – показал ей на одно из кресел у обильно накрытого столика. Кресел там стояло именно что два – похоже, господин граф любил во всем политес: сначала честным пирком, потом, так сказать, за свадебку... Она села. Я повертел блокнот в руках – идея-то хорошая, вот только что писать или рисовать?

Эржи оказалась сообразительнее, вежливо вынула у меня из руки блокнот с карандашом, написала буквально две буквы, показала мне страничку.

A. D. —?

Ну, такие-то вещи обязан знать даже недоучившийся искусствовед. A. D., «Анно Домини» по-латыни, соответствует нашему «От Рождества Христова». Она хотела знать, какой сейчас год. Ну, я и написал чистую правду: «A. D. – 1945».

Глаза у нее округлились, рот приоткрылся. Лицо стало... даже выражение определить трудно. Наверное, у меня было бы такое же лицо, узнай я, что меня зашвырнуло на двести лет вперед. И недоверие, и испуг, и еще что-то... Но если и был испуг, с ним она справилась быстро. Принялась энергично черкать что-то в блокноте, на сей раз гораздо дольше.

Оказывается, рисовала она не так уж плохо, там были две пушки, палящие друг в друга, два солдата в мундирах ее времени, старательно целившиеся друг в друга из длинных мушкетов. Вопросительный знак, тире и снова 1945 A. D.

Я понял. И развел руками: ну что поделать, войны всегда были и будут... Она забрала у меня блокнот, поставила там буквально пару закорючек и тут же вернула. Ага, это она поставила над обоими солдатами вопросительные знаки. Не требовалось великого ума, чтобы понять, что она спрашивает: «Кто с кем?»

Чтобы с маху не посвящать ее в сложности жизни, я поступил просто: напротив одного из солдат написал латиницей Germania, а против второго Russia, надеясь, что это слово было в ходу и двести лет назад. Показал ей страничку и ткнул указательным пальцем сначала в слово Russia, потом себе в грудь. Если подумать, я нисколечко ей не врал, просто не сказал – тьфу, не написал! – всей правды. К чему посвящать ее в кучу здешних политических сложностей? В конце концов, мы не с Венгрией воюем, а с венгерскими фашистами, и в Дебрецене есть другое, можно смело сказать, наше правительство, а вместе с Красной армией готовится выступить венгерский Будапештский полк...

Эржи откинулась на спинку кресла, облегченно вздохнув. Кажется, я ее понимал: офицер в незнакомом, да что там, диковинном для нее мундире мог оказаться и вражеским, а в восемнадцатом веке вражеские офицеры обходились с красивыми девушками очень даже непринужденно, нимало не интересуясь их согласием...

Она посмотрела куда-то через мое плечо – ага, наконец обратила внимание на пейзаж, может быть, узнала свой охотничий домик, хотя лес оставался темным, луна не вошла еще ни на нашей стороне, ни, соответственно, на той. Но особенного внимания ему не уделила – хотя и пыталась это благовоспитанно скрыть, поглядывала больше на роскошно накрытый трудами Иштвана стол, посреди которого красовалась уже тщательно очищенная моими трудами от пыли и паутины высокая темная бутылка токайского.

Ну что же, милости прошу к нашему шалашу... Самым галантным жестом, какой я только почерпнул из трофейных кинофильмов о великосветской жизни, я показал ей на кресло. Эржи уселась, не чинясь. Иштван сервировал стол, как, должно быть, привык это делать для графа – там было множество совершенно ненужных, на мой плебейский взгляд, пустых тарелочек и блюдец, вилок и вилочек. А вот поди ж ты, пригодилось – впервые мне довелось принимать в гостях настоящую графиню, да еще из прошлого.

Графиня первым делом взяла высокий хрустальный бокал и вопросительно глянула на меня. Токай, как я уже успел убедиться на примере прошлой бутылки, был изрядной крепости, и наполнил ее бокал до половины, но, побуждаемый ее взглядом, налил почти до краев. И кстати вспомнил исторические романы: в этом веселом столетии дамы не уступали мужчинам в умении лихо опустошать бокалы.

Исторические романы не вдали: Эржи опустошила свой бокал, лишь самую чуточку отстав от меня. Подцепила серебряной графской вилкой ломтик великолепной графской ветчины, разделалась с ним с истинно дворянским шармом. Щеки у нее покраснелись, она стала еще красивее, произнесла какую-то длинную фразу и тут же звонко засмеялась, вспомнив, что мы не понимаем друг друга. Показала взглядом на свой пустой бокал, и я его тут же наполнил, как галантный кавалер.

Странная это была вечеринка – объяснялись мы с ней исключительно улыбками. Первое время я пытался заговорить с ней на современном немецком, но она, судя по всему, понимала лишь отдельные слова и с милой гримаской пожимала плечами.

И все же после второго бокала мы нашли выход. Стали говорить каждый на своем языке, это давало какую-то иллюзию общения. Обычная застольная болтовня – и с моей стороны, и с ее, думаю, тоже, судя по ее лукавой улыбке и озорным взглядам. Взгляды и игра глазами были такие, что я подумал: эта красавица, несмотря на молодость, должна была разбить кучу сердец. Интересно, как получилось, что ее выдали замуж за пожилого ревнивого хрыча? А впрочем, из тех же исторических романов известно, какие хитросплетения были связаны с браками в этом их восемнадцатом столетии...

Она больше налегала на вино, чем на графские деликатесы. Возможно, праздновала, если можно так выразиться, освобождение из плена (я, конечно, и не пытался догадаться, как получилось, что она в него угодила, и как все это время себя чувствовала). И как так получилось, что она, вроде бы отравленная ревнивым мужем, двести лет провела в плену картины? И что это за художник такой, оказавшийся способным рисовать такие картины?

А ведь она была самым настоящим живым человеком: теплые руки, ласковые мягкие губы, она ела и пила (что привидениям вроде бы не свойственно), и на шее у нее, повыше роскошного ожерелья из зеленых самоцветов, висел золотой крестик тонкой работы – даже если вопреки моим жизненным убеждениям и взглядам удариться в дурную мистику, когда это нечистая сила носила крест?

Занятно, но чем больше пустела бутылка, тем лучше мы стали понимать жесты друг друга – впрочем, это частенько случается с людьми и в гораздо более прозаических обстоятельствах. Да и блокнот помогал. Я довольно легко объяснил ей, что мои ордена – это и есть ордена (она уважительно округлила

глаза, но из ее рисунка в блокноте следовало, что в ее времена ордена были гораздо больше).

Как это часто случается, бутылка опустела в самый неподходящий момент, а другой у меня не было. Узнав, в чем дело, Эржи нарисовала в блокноте колокольчик и довольно сносно – слугу с бутылками на подносе. Я постарался ей объяснить, что это никак невозможно проделать. Ничуть не огорчившись, она повернулась к своему опустевшему портрету и показала мне на тот самый графин с чем-то пурпурным, глянула выжидательно. Я отлично ее понял – не графине же ходить за новой бутылкой? – но шел к картине довольно медленно: мистика там или неизвестное природное явление, все равно было чуточку не по себе лезть туда.

Но когда это русский офицер отступал перед неизвестными опасностями, особенно под ободряющим взглядом юной прекрасной дамы? Зачем-то (скорее всего, чисто машинально) я расстегнул кобуру пистолета и шагнул в картину.

И ничего страшного или необычного не произошло. Всё та же небольшая комнатка (или как это называется – альков?), задрапированная темно-вишневыми портьерами (я оценил: хорошо контрастировавшими с изумрудно-зеленым платьем Эржи и с ней самой). Взялся за горлышко красивущего графина из резного хрусталя и поднял без всякого труда – примерно столько и должен весить графин, в который налито литра три вина (ну не уксус же там?).

Эржи, взяв блокнот, довольно легко мне растолковала, что эту бочку, откуда налито в графин вино, заложили вскоре после ее рождения (вообще-то она неплохо рисовала, в те времена благородных девиц, я знал, хорошо учили). Пурпурное вино оказалось нектаром гораздо лучше токайского.

После бокала пурпурного общение приняло несколько игривый характер. Эржи, расположив блокнот горизонтально, что-то довольно долго рисовала. Оказалось, чуть ли не целая картинка: в овале с надписью «Russia» стояли, взявшись за руки, мужчина и женщина – и женщина держала за руку маленькую девочку. Мужчина узнавался сразу – Эржи добросовестно скопировала мой мундир, ремни с португеей, даже награды изобразила совсем крохотными пятнышками (однако их количество и расположение на гимнастерке в точности соответствовало моим); женщина, правда, была в платье фасона восемнадцатого века (ну конечно, откуда Эржи знать моду двадцатого?). Надо мной вопросительного знака не было – а вот над женщиной и девочкой имелись. Ага, извечный женский

вопрос: женат ли я и есть ли у меня дети?

Ну, ответить было легко: я взял у нее карандаш и со спокойной совестью зачеркнул женщину с девочкой – женат я не был, детей у меня не имелось. Так же поступил и со следующим ее рисунком, скорее, эскизом – от башни замка скачет прочь всадник, а с башни ему машет вслед платком девушка. И здесь я ничуть не кривил душой – никакая девушка меня дома не ждала, так уж сложилось.

Эржи лукаво улыбнулась и певуче произнесла фразу, которую я, вот чудо, понял без перевода, что-то вроде: «Офицер в походе всегда холост и одинок». Я изобразил лицом самое искреннее негодование, поднял правую руку так, словно присягал в суде (я это видел в тех же трофейных фильмах).

На ее лице появилась загадочная улыбка, она встала (я тоже поднялся, как подобает воспитанному офицеру), подошла вплотную, так, что я чувствовал ее грудь под низким вырезом платья, отороченным кружевами тонкой работы, левой ладонью легонько надавила мне на затылок, пригибая голову к вырезу (никак не могу сказать, что я сопротивлялся), а двумя пальцами правой взяла свой крестик и поднесла его к моим губам. Я понял и преспокойно поцеловал крест – будь я даже верующим, все равно никакого клятвopреступления не совершил бы – не было у меня ни жены, ни детей, и девушки, которая обещала бы ждать и писала письма, не было.

Эржи чуть отодвинулась, глядя мне в глаза неотрывно и загадочно, потом прижалась, положила мне руки на плечи и прильнула к губам так, что никаких пояснений не требовалось. Обнимая ее, я окончательно убедился, что это – живой, настоящий человек. Ну, а потом как-то само собой получилось, что мы оказались на широченной графской постели...

Если бы я еще мог понимать то, что она жарко шептала мне на ухо... Но я и так был на седьмом небе.

Потом уже, ближе к утру, когда она лежала у меня на плече, улыбочиво глядя в глаза, вдруг легонько нахмурилась и, водя указательным пальчиком у меня по шее, стала что-то очень долго и серьезно говорить, и такое впечатление – легонько рассердилась оттого, что я не понимаю. Я пошел по избитому пути: взял со столика блокнот и карандаш. Кликет горел чуть ли не в полную силу –

тогда, когда все началось, я хотел его притушить или загасить совсем, но Эржи, правильно истолковав мое движение в его сторону, удержала за рукав, махнула рукой с самым беззаботным видом: дескать, кому он мешает? (Чему я в глубине души был только рад.)

Она нарисовала на чистой страничке крест и вопросительный знак, потом ткнула пальцем в свой крестик, в мою грудь и снова – в рисунок. Я уже научился неплохо ее понимать и сразу понял, что к чему: она спрашивала, где мой крест.

Ну что тут можно было ответить? Рисунками тут не объяснишь – этак и до обеда не управишься, да и неизвестно еще, как бы она приняла то, что я – атеист. И я пошел по пути наименьшего сопротивления: уж как умел, нарисовал несущегося во весь опор всадника с саблей в руке, а рядом – преувеличенно большой крест, летящий наземь, сразу видно, оттого, что порвалась цепочка. Карьером несся в атаку, от резкого движения порвалась цепочка... Бывает.

Неловко чуточку было ее обманывать, но, в конце концов, речь шла о сущей мелочи – разное мировоззрение у разных столетий, что поделаешь. У них здесь, в Венгрии, до сих пор несметное число церквей и монастырей. У нас в последнее время в этом плане тоже наметились известные послабления, но мимо меня, закоренелого атеиста, они как-то проходили...

Все так же нахмурясь, Эржи еще что-то говорила с серьезным видом. Потом закинула руки за шею, расстегнула застежку и повесила свой крестик мне на шею. Легонько перекрестила и что-то прошептала. Я не противился – смешно было бы и глупо. Даже если кто-нибудь и увидит, насмешек не будет – многие сейчас в армии носят крестики, даже офицеры. Да и память о ней будет...

...Когда я открыл глаза, показалось сначала, что приснился длинный, чертовски схожий с реальностью сон – мало ли таких? Но тут же убедился, что все происшедшее было доподлинной явью. Портрет Эржи выглядел совершенно иначе, собственно, никакого портрета. Ни Эржи не было у стола, ни графина на столе, только два высоких бокала. Графин, наполовину пустой, стоял на столике у постели.

А вот Эржи в комнате не было, хотя постель пахла ее духами и запахами молодого здорового тела. Да и ее крестик висел у меня на шее. Значит, все было реальностью.

Я взял со столика часы (больше всего изумившие вчера Эржи – наручных восемнадцатый век еще не знал). До общего подъема оставался еще час с лишним. Сегодня я почти и не спал, но усталым себя не чувствовал. А потому в хорошем темпе оделся, затянул ремни, влез в сапоги. Куда она могла подеваться? Дверь по-прежнему оставалась запертой на массивную задвижку. Ванная? Граф в свое время провел водопровод от ближайшего озера для пущего удобства, а заодно из феодальной роскоши устроил персональную канализацию. Я вчера ночью показал Эржи, как пользоваться ванной и туалетом – но ни там, ни там ее не оказалось.

Оставалось одно – и я пошел к пейзажу. Еще издали видел, что он по-прежнему живой: листья колышутся под легким ветерком, оттуда наплывают запахи леса и травы. Под рамой белело что-то квадратное – ну да, на полу лежал мой блокнот. Я нагнулся и поднял. На странице была нарисована – моим лежавшим тут же карандашом – стрелка, указывавшая на пейзаж. Сделать это могла только Эржи. Значит, она ушла туда. В свой охотничий домик? Надолго? Кто бы сказал...

Какое-то время я стоял в нерешительности. Еще раз посмотрел на стрелку, как будто надеялся что-то из нее вычитать, сунул блокнот в карман, сел и закурил, думая, что делать дальше.

Если бы она хотела уйти тайком, ни за что не оставила бы стрелку, указывавшую, где ее искать. Значит, хотела, чтобы я знал, где она. Ну, а делать-то что? Через час сыграют подъем, и на меня навалится куча служебных забот. Но с другой стороны, у меня в распоряжении целый час...

Мелькнула догадка, и я тут же решил ее проверить. Почти пробежал к бывшему портрету, вытянул из осторожности руку, но она преспокойно прошла на ту сторону. Машинально расстегнув кобуру пистолета, откинул ближайшую портьеру. За ней не было ничего – ни деревянных панелей, ни шпалер (как назывались тогда обои), вообще ничего – словно бы стена серого, густого, неподвижного тумана, словно бы даже и не материального – такой уж у него был вид. Ничего похожего на цемент или бетон. Рукой я к нему прикасаться поостерегся – достал финку и осторожно ткнул кончиком лезвия. Оно вошло не дальше чем на полсантиметра, а потом замерло, словно что-то его не пускало. Я обошел всю невеликую комнату, отдергивал портьеры одну за другой и везде видел то же самое: от пола до потолка – стена серого, густого, неподвижного тумана. Вот стол был настоящим, деревянным, в чем я убедился, ковырнув его финкой, – и бокалы настоящие, хрустальные. Да и портьеры выглядят

настоящими, по-моему, бархатные. Но за ними повсюду – непроницаемый туман. Значит, вот так выглядит здешний задний план. Дальше не пройдешь, и пытаться нечего...

И совершенно иначе выглядел пейзаж – ничего общего с этим тупичком из странного тумана, укрытого за бархатными портьерами. Стоя у самой рамы, я давно прикинул, что до охотничьего домика метров триста, а вся окружающая местность благодаря редколесью просматривается не менее чем на полкилометра. Если где-то этот чертов непроницаемый туман и присутствовал, мне не удалось разглядеть его и в восьмикратный цейсовский бинокль: куда ни глянь – то же редколесье, у самого горизонта, похоже, сгущавшееся в чащобу. Это больше походило на дверь в какой-то другой мир. Именно другой – Иштван как-то мимоходом упоминал, что охотничий домик графини сгорел дочиста еще в революцию девятнадцатого года, когда там шли бои, и никто его не восстанавливал.

Самая пора подумать, что мне предпринять. Времени в распоряжении почти час. Эржи никак не случайно оставила стрелку, указывавшую на домик, – значит, она и сейчас там. Что, если нагрянуть в гости?

Мысль дерзкая, но не такая уж безрассудная. Уж если неразумная белка свободно шастает туда-сюда, почему это не под силу и человеку? Как-то не верилось – инстинкт подсказывал, что ли, – что дверь захлопнется внезапно сама по себе, оставив меня на неведомых дорожках (где к тому же нет следов невиданных зверей – только следы прозаических колес и копыт).

Убедительнейшая версия, почему обе картины вдруг «открылись», у меня уже была, я догадывался, кто их открыл, – и, пока спальня закрыта изнутри на задвижку, войти сюда никто не сможет.

Опасности? Они меня не то что не пугали – я их просто не видел. Не верил, что этот домик – заколдованный замок, населенный какими-то чудищами (я уже говорил, что никогда не верил в эти мистические сказки). Вряд ли Эржи замыслила причинить мне какой-нибудь вред: в конце концов, за ту пару-тройку часов, что нам удалось все же поспать, она могла меня двадцать раз зарезать или в соответствии с милыми традициями восемнадцатого века подсыпать яду в вино, которое мы пили ночью.

Ну а если там окажется орава неприветливых индивидуумов мужского пола – не так уж и сложно для человека, прошедшего всю войну, грамотно отступить

метров триста до двери – особенно если он не с пустыми руками в гости пришел...

Поймите меня правильно. Я по натуре не авантюрист и уж никак не любитель приключений. Просто мне чертовски хотелось увидеть ее еще раз – и задача, мне думалось, предстояла несложная. Вряд ли там гнездо каких-то не мистических, а вполне материальных супостатов, откуда им там взяться, если обе картины «открылись» только вчера и пути к обоим вели исключительно через набитый нашими солдатами дом?

Я повесил на плечо автомат, сунул за пояс запасной рожок, а для пущей надежности вставил запалы в две «лимонки». С таким арсеналом можно было чувствовать себя уверенно и в этих незнакомых и непонятных краях.

Глубоко вздохнув, шумно выдохнув, сделал шаг на ту сторону – пока что единственный. Потом решил еще на два. Оглянулся. Зрелище было примечательное: посреди леса стояла словно бы широкая высокая дверь без створок, и за ней – покинутая мною комната, которая и не думала никуда исчезать, просто становилась все меньше и меньше по мере того, как я от нее удалялся – довольно неторопливо впрочем, сторожко, держа ушки на макушке, а палец на спусковом крючке «судаева».

Шаг за шагом, шаг за шагом, уже почти две трети пути до домика прошел, но ни единой живой души не встретил, ни дружелюбно настроенной, ни враждебно. Стояла покойная тишина, пахло лесными запахами, и что самое интересное, воздух был какой-то другой. Не могу толком объяснить, в чем заключалось отличие. Он был чище и вкуснее, что ли.

Оглянулся. Меж деревьями по-прежнему виднелась дверь на нашу сторону, уже казавшаяся не больше почтовой открытки. Окончательно приободрившись, я направился к домику, до которого оставалось всего-то метров двадцать открытого пространства. Вообще-то самое время шарахнуть по незваному гостю из окна из чего-нибудь огнестрельного, но все окна закрыты.

Зато дверь вдруг распахнулась – на всю ширину, ударившись об стену. Я машинально поднял автомат, но тут же опустил: на крыльце стояла Эржи, прямо-таки сиявшая от радости: с той же прической, но в другом платье, палевом, богато украшенном кружевами. В голове у меня промелькнуло: ну

конечно, какая женщина, пусть даже и на загадочном портрете, где она оказалась не живописным изображением, а совершенно живой, сможет простоять в одном и том же платье двести лет?

Стуча каблучками, она сбежала по широким ступенькам и бросилась мне на шею так, что моментально стало ясно; все вчерашнее вовсе не было мимолетным капризом, свойственным ветреным красавицам. Я едва успел, прежде чем обнять ее, поставить автомат на предохранитель и закинуть его за плечо. Эржи, радостно смеясь, целовала меня и что-то тараторила, но вскоре умолкла – вспомнила, что словами мы договориться решительно неспособны. Отшатнулась вдруг, сделала неопишную, но безусловно радостную гримаску, словно вспомнила вдруг что-то чертовски приятное, схватила меня за руку и повлекла на крыльцо. Точности ради я сказал бы «потащила», но применительно к благородной графине, безусловно, подходили более возвышенные эпитеты – с точки зрения искусствоведа, пусть и недоучившегося.

Миновав прихожую и две комнаты, увешанные коврами с охотничьими сценами и портретами, – не было времени разглядывать внимательно всю эту красоту, мы оказались в большом зале со сводчатым потолком. Эржи показала мне на одно из кресел у массивного большого стола посреди комнаты, повела вокруг ладонью с таким видом, словно спрашивала: «Ну, как тебе у меня?»

Я, как мог, изобразил на физиономии крайнее восхищение. Зал того стоил: как и в доме графа, здесь висели на стенах головы разнообразных зверей, рогатых и клыкастых. Вот только графская коллекция, я определил сразу, здешней, безусловно, проигрывала: олени рога не в пример превосходили величиной и ветвистостью, оскаленные волчьи головы (и две медвежьи) поражали размерами (кабаны клыки были чуть ли не в полметра длиной). Ружья в стойках по обе стороны зала были старинного фасона, кремневые (навидался, когда проходил практику в музее), но здешние выглядели новенькими, ухоженными, как и сабли, длинные кинжалы, тесаки. Отнюдь не музейный был вид, не то что у висевших в зале с охотничьими трофеями графа. Куда это меня ненароком занесло? Эржи смешливо наблюдала за мной – видела, что произвела впечатление, и это ей нравилось. В довершение всего показала пальчиком на самого клыкастого кабана, ткнула себя в грудь и сделала вид, будто прицеливается из ружья. Я только головой покрутил. Конечно, надо полагать, юную благородную особу на охоте сопровождала немаленькая толпа егерей, псарей и прочих доезжачих (как на той вон большой картине слева), но все равно завалить такого свина, да еще из тогдашнего ружья, – внушает уважение...

И тут я вспомнил, что мы худо-бедно можем общаться рисунками в блокноте. Правда, не представлял пока что, как изобразить карандашом на бумаге то, что меня тревожило с первого момента, как только я проснулся и увидел рамы без картин, – а беспокойство было нешуточное. Обнаружившийся в моей спальне загадочный портрет, точнее, то, что от него осталось, не выглядел такой уж диковиной по сравнению с дверью в неизвестный мир, но уж она... Можно представить, какой переполох поднимется, если увидит кто-то посторонний. К тому же по дому разгуливают три дебреценокских комиссара по делам искусства, люди, надо полагать, в живописи сведущие, лица у них интеллигентные. Моментально разнесется слух, что в расположении роты обнаружился загадочный природный феномен, информация пойдет выше, обязательно подключится «Смерш». А кто был, так сказать, первооткрывателем? Ваш покорный слуга, то-то и оно. Нет, бояться совершенно нечего, кто и в чем меня может обвинить? Я, в конце концов, не виноват, что эта клятая дверь обнаружилась именно в моей спальне, не я же ее смастерил, но все равно семь потов сойдет, по десяти инстанциям протаскают, душу вынут и могут забыть назад вставить. Положеньице...

Портьеры, конечно, могут помочь. Я забыл упомянуть, рассказывая обо всех диковинах, о такой прозаической вещи: у обеих картин висели, отдернутые сейчас, солидные портьеры. Задернутые, они явно закрывали картины до пола: не всем граф позволял картинами любоваться, ох, не всем, кто-то о них и знать не должен был... Сейчас моя спальня заперта изнутри на задвижку, никто не войдет, когда вернусь, задерну...

Впрочем, полной гарантии это не дает: та же белка преспокойно проникала туда и обратно, что ей стоит прошмыгнуть под портьерой? А главное, вместо белки может заявиться и гораздо более опасный экскурсант – двуногий. Разбойников, говорил Иштван, здесь некогда водилась тьма-тьмущая. И возись с ним потом. Ну, предположим, с нашим огневым превосходством это особого труда не составит, но непременно выйдет шум, переполох, и конец тайне – с непредсказуемыми последствиями...

У меня появилась мысль, для военного человека, каким я был уже несколько лет, вполне естественная: пора бы, военным языком выражаясь, определиться на местности. Выяснить, в конце концов, куда это меня столь неожиданно занесло.

Блокнот был при мне, в нагрудном кармане гимнастерки. Я его достал, нарисовал вопросительный знак чуть ли не во всю страницу и положил перед

Эржи. Потом широко развел обеими руками, очень надеясь, что я имею в виду не просто этот домик, а это место вообще.

Кажется, она поняла. С совершенно спокойным лицом написала всего несколько слов и повернула блокнот ко мне.

Вот тут я форменным образом остолбенел. Потому что там ее аккуратным почерком было написано: Anno Domini 1775.

Поднял голову. Встретив мой взгляд (могу догадываться, он был заполошным, недоверчивым, удивленным), Эржи повторила мой жест: широко развела обеими руками. Подошла к окну и точно так же раскинула руки. Потом с очень серьезным лицом перекрестилась на висевшее в углу большое распятие черного дерева. Подошла к столу и розовым ноготком словно бы подчеркнула только что сделанную ею надпись. Чуть развела руками, словно хотела сказать: хочешь ты или нет, но так и обстоит...

Я и верил, и не верил. Доводилось мне читать о путешествиях во времени – и «Машину времени», и «Янки из Коннектикута», и довоенный, ныне совершенно забытый отечественный «Бесцеремонный Роман». Однако я всегда полагал, что фантастика фантастикой – а жизнь жизнью. Никогда не слышал, чтобы ученые хоть словечком заикались о возможности путешествий во времени. Прикажете теперь верить, что советский офицер с автоматом на плече вдруг оказался в Венгрии восемнадцатого века?

С другой стороны... Картина, оказавшаяся дверью в другой мир, в самом деле существовала – как и портрет, с которого вдруг сошла умершая двести лет назад девушка, оказавшаяся не духом или призраком, а созданием из плоти и крови. Как ни протестовала душа стойкого материалиста, требовалось сделать над собой усилие и признать: фантастические события, пожалуй что, требуют фантастических же объяснений, когда вокруг не морок, не галлюцинация – самая доподлинная реальность...

И вот тут мне стало по-настоящему страшно. Если вокруг реальность, натуральный восемнадцатый век, то дверь-картина как открылась, так может и закрыться. И останусь я в прошлом, да вдобавок не в своем, в чужой стране, посреди чужого народа, на языке которого не знаю ни словечка. И что делать?

Пытливо наблюдавшая за мной Эржи вдруг с притворно сердитой гримаской хлопнула себя по лбу ладошкой, взяла со стола большой колокольчик, кажется, серебряный, громко позвонила и уселась рядом со мной с крайне надменным видом, какого прежде на себя не напускала. Я покосился на нее: осанка, поза, выражение лица – теперь это и впрямь была графиня восемнадцатого века, способная и казнить, и миловать (у них, как и у нас, я читал, тогда еще существовало крепостное право, если у нее есть земли, есть и крепостные).

Вошел старик крайне колоритного вида, напомнивший мне читанные исторические романы: холщовая рубаха, белая, чистая, со скупой красной вышивкой по вороту, длиной чуть ли не до колен, с синим матерчатым кушаком, такие же шаровары и странная кожаная обувь, нечто среднее меж лаптями и сапогами. Остановившись в нескольких шагах, он отвесил натуральный поясной поклон, о котором я раньше только читал в тех же романах. Когда он выпрямился, я поразился его взгляду – не то чтобы приниженному, просто такими и должны быть глаза человека, осознающего себя имуществом и совершенно с этим примирившегося. Да уж, восемнадцатый век...

Эржи произнесла несколько фраз – с надменностью настоящей графини. Старик обернулся ко мне, отвесил такой же поясной поклон и почтительно сказал:

– Мне имя на Юро. Я сом русин. Пане ласкавы разумие такой говор?

Ах, вот оно что. Сюрпризом для меня это не стало: пройдя пол-Венгрии, я уже знал, что здесь кроме мадьяр живут еще и славяне: и словаки, и русины нескольких народностей, отличавшихся языками. Встречали они нас гораздо приветливее венгров, и договориться с ними было гораздо легче, хоть и с некоторым трудом.

Вот и сейчас, когда я с ним заговорил, понять друг друга все же можно было. Эржи прислушивалась к нашей беседе так, словно все – ну, почти все – понимала. Очень быстро что-то произнесла приказным тоном, и старик, оборвав фразу на полуслове, сообщил мне, что «ясная пани графиня розумие русинский и сама може размовлять». Вслед за тем, словно выполняя заранее полученные инструкции, поклонился нам в пояс и тихонько вышел.

– Как мне это раньше в голову не пришло! – сказала Эржи. – Теперь и говорить можем, а не на бумажке писать, как немые.

(Нельзя сказать, что разговор у нас пошел теперь так уж гладко – языки все же разные, иногда она не понимала меня, иногда я не понимал ее, приходилось переспрашивать, порой не раз, помогая себе жестами, – что нас обоих только забавляло. Но все же теперь мы могли общаться более-менее свободно. Прошло много лет, и я не держал в памяти наши разговоры дословно – да и зачем? – а потому пойду по самому легкому пути: буду пересказывать наши беседы правильным русским языком.)

– Я тебе могу еще раз поклясться на распятии – это действительно Анно Домини тысяча семьсот сорок пятый.

– Не надо, верю, – сказал я. – Но как так могло получиться? Не знаю, как ты, но я никогда не верил в колдовство...

Эржи звонко рассмеялась:

– Никакое это не колдовство. С колдовством я бы и не стала связываться как богобоязненная христианка. Тайные науки... Тайные знания... Тайные умения... Примерно так. Точнее я объяснить не могу – в ученые материи не посвящена. А тот, кто мог бы... – Ее личико на миг омрачилось. – Он погиб, не успев взяться за третью картину.

– А как же теперь быть с этими двумя? Такая дверь меж временами – штука опасная.

– Это ненадолго, – сказала Эржи. – Скоро все закроется, день-два. Останутся только картины, пейзаж и портрет. Самые обычные картины. Я надеюсь, день-два ты сумеешь удержать все в тайне? Задернешь портьеры, попробуй раздобыть ключ и запирать дверь снаружи, когда будешь уходить. У дворецкого всегда есть ключи от всех дверей... Ты еще не взял?

– Да как-то не подумал, что понадобится...

– Возьми сразу, как только вернешься. От нас к вам никто не попадет, я уже позаботилась. А вот если в твое отсутствие кто-нибудь обнаружит дверь и решит наведаться в гости, трудно и предсказать, что из этого выйдет. – Она послала мне лукавый взгляд. – В тебе-то я уверена, ты сумеешь сохранить тайну...

- Подожди, - сказал я чуточку ошеломленно. - Как же так... Два-три дня...

- Увы... - Она сделала грустную гримаску. - Есть обстоятельства, которые сильнее нас.

- Так ты что же, вернешься в портрет?

- Вот уж нет, - засмеялась Эржи. - Нет, конечно, изображение на портрете будет прежнее, но сама я остаюсь здесь. Слишком многое еще не закончено. Долго рассказывать.

Останется здесь... и погибнет от яда в бокале. Сказать ей об этом? Но я же не знаю подробностей, представления не имею, где, в каком доме, в каком именно бокале ее подстерегает отрав... Успокойся, внушал я себе, она уже умерла двести лет назад, в любом случае с ней это произойдет, если она намерена остаться здесь, в своем времени. И надо же было, чтобы это случилось именно со мной!

- Господи! - спохватилась Эржи. - Заболталась, обрадовалась, что мы теперь с тобой можем свободно разговаривать - и совсем забыла о долге хозяйки. Я сейчас велю подать завтрак...

Я взглянул на часы и поднялся:

- Нет времени на завтрак, Эржи, как ни жаль. Через четверть часа сыграют подъем, начнется обычная военная жизнь, и мне всем этим командовать. Ничего не поделаешь, служба...

- Я понимаю, - покладисто согласилась она и тоже встала. - У меня среди родных было столько военных... - И, подойдя вплотную, положила мне руки на плечи. - Но ведь всякая служба когда-нибудь кончается... Я приду ночью.

Прощание немножко затянулось, но я успевал к подъему, даже немного времени было в запасе. Да и не имелось каких-то неотложных дел, не было необходимости с ходу включаться в налаженную жизнь роты. Эржи помахала мне с крыльца, я помахал ей и быстрым шагом направился в свой двадцатый век. Благо «дверь» никуда не делась, и возле нее отиралась белка, кажется, та

самая.

Цыкнув на нее, я шагнул в комнату и первым делом плотно задернул портьеру «двери», потом портрета. Критически присмотрелся, отступив на пару шагов. Если не знать, что за портьерами, получилось вполне благолепно – а кто чужой завалится в мою спальню и станет лазить за портьерами?

Позвонил дежурному по роте – никаких происшествий не случилось, никто меня не искал, не звонил ни из батальона, ни выше. Так что на какое-то время спокойная жизнь обеспечена. Есть полная возможность кое-кого порасспросить, развязать кое-какие узелочки – не столько из любопытства, сколько по въевшейся привычке доводить начатое дело до конца. С кого начать, с Паши или с Иштвана? А пожалуй, с того, кто первым под руку подвернется...

Кто первым подвернулся под руку, стало ясно сразу же – по деликатному стуку во все еще запертую на щеколду дверь. И по деликатности и по самому стуку – Паша стучать ни за что бы не стал, в армии не стучат (правда, только в те двери, перед которыми нет приемной с адъютантом или часового).

Так и есть, на пороге обнаружился Иштван во всем блеске – ливрея в золотом шитье, позолоченные пуговицы с графским гербом, панталоны до колен, белоснежные чулки, туфли с позолоченными пряжками. Так он по дому и расхаживал. Бойцы его прозвали Павлин-Мавлин, посмеивались вслед, но не обижали. Лейтенант Горский, мой самый молодой командир взвода (месяц как из школы ускоренного выпуска младших лейтенантов, едва усики начали пробиваться), даже с ним сфотографировался. Сказал, что pošлет карточку невесте, пусть полюбуется, какая экзотика попадает на войне – настоящий старорежимный дворецкий, как у нас в царские времена.

С отработанным за десятилетия поклоном Иштван сказал:

– С позволения господина капитана я заберу посуду?

– Да пожалуйста, – сказал я, пропуская его в комнату.

Он сделал пару шагов к столу – и вдруг остановился как вкопанный. Вместо привычного бесстрастно-услужливого выражения на лице появился неопиcуемый страх, оно побледнело так, что стало белее седых бакенбардов. Я

проследил за его взглядом – он был прикован к возвышавшемуся во главе стола графину с портрета (там еще оставалось изрядно пурпурного нектара). Что-то он должен был знать, стервец, – и сам прослужил здесь всю сознательную жизнь, и упомянул как-то мимоходом, что его семейство служило графам Ракели добрых полторы сотни лет...

– Да что с вами такое, Иштван? – спросил я с наигранным удивлением. – Вы словно привидение узрели. Может, вам водички дать?

– Н?не надо, – выговорил он, полное впечатление, легонько постукивая зубами.

Его взгляд метнулся к портьерам, наглухо закрывавшим картины, потом вернулся к графину – и снова заполошно метнулся к той портьере, что закрывала портрет. Не требовалось особенного труда, чтоб понять ход его мыслей. Он несколько овладел собой – должно быть, сказалась многолетняя лакейская муштра, – но все еще тарачился на графин с неприкрытым страхом.

– Ага! – Я сделал вид, будто меня осенило. – Такое впечатление, что вас не на шутку испугал этот безобидный сосуд?

– Это же... это же... – Он снова уставился на закрывавшую портрет портьеру.

– Ну да, – сказал я самым будничным тоном. – Это графин с портрета. Вы знаете, Иштван, у вас очень интересный дом. У меня сегодня ночью была крайне занятая гостья...

– И вы живы, господин капитан? – вырвалось у него.

– Как видите, – пожал я плечами. – А с чего бы мне быть мертвым?

– Некоторые говорят, она сосет кровь, когда приходит...

– Сплетни и наветы, – сказал я. – Очень милая и воспитанная девушка, можете мне поверить, никакой не упырь. А что, был кто-то, у кого она высосала кровь? И очевидцы есть?

– Нет, никто никогда не видел... но некоторые болтают...

– Ну, о красивых девушках вечно болтают всякие глупости, вам ли, в ваши годы, не знать... Хотите что-то спросить?

– Осмелюсь спросить, господин капитан, а... а там? – Он оглянулся на портьера, закрывавшую дверь в восемнадцатый век.

– Там тоже никаких ужасов. Хотите убедиться? – Я подошел к портьеру и распахнул ее примерно на метр. – Как видите, солнышко светит, листочки шелестят, страшнее белки зверя я там не видел. И даже был в том красивом домике. И никакие чудища меня не съели, там вообще нет чудищ. Там всего-навсего та же Венгрия, разве что не девятьсот сорок пятого года от Рождества Христова, а семьсот сорок пятого. Так мне сказали, и я этому почему-то верю. Интересно, а вы?

– Я т?тоже... – почти прошептал он. – Именно в тот год все и произошло...

– Что?

Он молчал, как истукан. Похоже, его легонько познабливало, хотя в комнате было совсем не холодно. Подойдя к нему почти вплотную – он невольно отступил, но налетел поясницей на массивную столешницу и замер, – я сказал тем тоном, каким порой допрашивал пленных «языков»:

– Ну вот что, Иштван. Ясно уже, что обо всем этом, – я мельком указал на обе портьеры, – вы что-то знаете, и, чуёт моя душа, немало. Всю жизнь здесь прослужили, а ваша семья – вообще полторы сотни лет. Классический старый слуга, знающий многие секреты хозяев. До сих пор мне такие попадались только в романах, но, оказывается, и в реальности они существуют. Тем лучше. Садитесь.

– Я не смею в вашем присутствии...

– Садитесь, черт возьми! – рявкнул я медвежьим басом унтера, неважно, какой страны: в любой армии унтера, они же сержанты и капралы, орут одинаково зверообразно.

Подействовало. Он подобрался, явно вспомнив молодые армейские годы, и робко опустил на краешек кресла. Усевшись в стоявшее напротив и закурив, я сказал:

- А теперь рассказывайте, Иштван, и подробнее. Только, понятное дело, не от Адама и Евы.

- Господин капитан, к чему вам эти дела ушедших столетий? Ну, предположим, не до конца ушедших, но все равно...

- Буду с вами предельно откровенным, Иштван, - сказал я. - Если бы речь шла только о девушке, которая ночами выходит из портрета, я бы никого не стал спрашивать и держал бы все в тайне. Но, к сожалению, есть еще и это, - я показал на скрывавшую пейзаж портьеру. - А это осложняет дело и сулит серьезные неприятности нам обоим. Представляете, что начнется, если об этом узнают? И кто первым делом за нас с вами возьмется? Вы же старый вояка, должны знать, что такое военная контрразведка...

- Очень неприятные типы, - поджал губы дворецкий.

- Согласен, - сказал я. - Они в любой армии таковы, и наша, скажу по секрету, не исключение. Для меня, собственно говоря, особых неприятностей не будет - в конце концов, я нисколечко не виноват, что меня поселили в комнате с этими именно картинами. Но нервы помотают изрядно. А вот вы... Вы не просто свидетель, как я, вы доверенный человек графа, служите здесь добрых четверть века. Бесценный, можно сказать, источник информации. На их месте я бы в вас вцепился мертвой хваткой, как гончие в зайца. Вы уж извините, но вы мне не брат родной и даже не троюродный. Будете молчать - мне, чтобы опередить события, придется нынче же написать рапорт куда следует. Вы не один год прожили в России, наверняка нахватались русских поговорок?

- Конечно...

- Тогда, может, знаете и такую: «Своя рубашка ближе к телу»?

- Знаю...

- Вот видите.

- Господин капитан... Но ведь это все равно уже есть... и в прежнее состояние уже не удастся вернуть?

Я и сам рассуждал примерно так же, но, разумеется, посвящать его в свои мысли не стал.

- А если удастся? - спросил я (и сам в это верил). - В конце концов, любую открытую дверь можно закрыть, даже такую. Если нашелся способ открыть, может найтись и способ закрыть. Согласны?

- Может быть, вы и правы, господин капитан...

- Я сегодня обязательно поговорю об этом... сами понимаете, с кем.

В глазах у него страха стало меньше, а вот живого интереса явно прибавилось:

- Вы хотите сказать, господин капитан, она еще вернется?

Мы с ним были сейчас чем-то наподобие двух заговорщиков, и не было смысла что-то от него скрывать. В конце концов, советских военных тайн я ему не выдавал.

- Во всяком случае, она обещала, - сказал я.

- Господин капитан, простите за любопытство... А где она сейчас?

Я кивнул на портьеру:

- В своем охотничьем домике. Том самом, что сгорел во время войны четверть века назад, а вот столетием раньше процветает... Ну, Иштван? Так что вы обо всем этом знаете?

- В двух словах не расскажешь...

Я посмотрел на часы. На четырнадцать ноль-ноль (звонил дежурный из штаба батальона) у комбата назначено совещание командиров стрелковых рот и еще нескольких подразделений, а сейчас нет и десяти, и никаких неотложных дел не предвидится. Езды до городка, где разместился комбат со штабом, – минут двадцать, а больше никаких забот. Времени достаточно.

– Ничего, времени у меня достаточно, – сказал я. – Только постарайтесь не рассусоливать. Выделяйте главное.

– Главное... Главное, пожалуй, в том, господин капитан, что история, которую я вам рассказал в первый день, – сплошная ложь.

– Это которая?

– О том, что у графини Эржи был роман с графом Рудольфом и старый ревнивый муж, граф Пароттаи, узнав об этом, ее отравил. А потом нанял наемных убийц и для Рудольфа. Все было совсем не так. Роман у нее был не с Рудольфом, а как раз с художником, нарисовавшим обе картины, Михалом Отрокочи. А граф Пароттаи, между прочим, был вовсе не старик, а мужчина средних лет, и у него самого был пылкий роман с одной дамой. Они с графиней с некоторых пор жили каждый своей жизнью и совершенно друг друга не ревновали. Никто графиню не травил. Она просто исчезла. Вот графа Рудольфа и правда убили на лесной дороге. Могила графини Эржи в фамильном склепе пуста. Всю эту историю с романом, ревностью и ядом в бокале очень мастерски распустили в виде сплетни, и все ей поверили: для тех времен история была прямо-таки банальная...

– А на самом деле как было?

– Позвольте, господин капитан, я зайду немного издалека... Ни нынешний господин граф, ни его отец никогда не интересовались книгами, а вот дедушка – наоборот. Он был... Есть какое-то ученое слово, которым называют человека, охваченного прямо-таки фанатичной любовью к старым книгам и рукописям...

– Библиофил, – подсказал я. – Говорят еще – библиоман.

– Да, кажется, так это называли – именно библиоман... Эта страсть у него развилась рано, еще в относительно молодые годы, и захватила, как пьяницу –

вино или гуляку – женщины. Правда, я так думаю, эта страсть гораздо благороднее вина или женщин, господин капитан?

– Пожалуй...

– Сам я уж никак не книголюб, но понимаю такие вещи... Вот только эта страсть себя проявляла точно так же, как другие, далеко не столь благородные. Я имею в виду, он света белого не видел за своей библиотекой. В жизни местного благородного общества совершенно никакого участия не принимал, чем многих против себя восстановил – на что ему было глубоко наплевать. Никого не принимал, никому не наносил визитов, не обращал внимания не только на женщин, но и на собственную жену. А она была женщина исключительно красивая, молодая, темпераментная, так что давно уже жила своей собственной жизнью. – Иштван отошел настолько, что его физиономия приняла чуточку плутовское выражение. – Болтали даже, что его дети... не совсем его дети, но это, я понимаю, к нашей теме отношения не имеет. Так вот, библиотека у него была огромная, а мой дедушка, тогда, конечно, молодой, работал у него одним из трех библиотекарей. Дедушка мой – единственный, кто, можно так сказать, выломился из фамильных традиций. Мало ему было гимназии – у нас в роду и полным-то курсом гимназии почти никто не может похвастать. Он, представьте себе, закончил университет в Вене! Но скоро стало ясно: ум он получил от природы, фамильную житейскую практичность в полной мере сохранил. Как только получил диплом, приехал к графу и поступил на испытательный срок библиотекарем. И не прогадал: граф был несметно богат и своим библиотекарям, если убеждался, что от них есть толк, платил жалованья, пожалуй, больше, чем государь император своим министрам. Но и работали они, как галерники. – Иштван ухмыльнулся. – А если подумать, фамильной традиции он не изменил нисколько: всю жизнь пробыл в услужении у графа Ракели. Ведь если подумать, кто такой библиотекарь у знатного магната? Да тот же слуга. Пусть даже получает жалованье больше, чем министр, и у него есть собственный лакей... – Он заметил мое нетерпеливое движение и торопливо сказал: – Я вовсе не ухожу в сторону, господин капитан, и не уклоняюсь от темы. Просто о Шандоре нужно рассказать более-менее подробно, потому что он все это и открыл... Словом, граф его работой был так доволен, что уже через три года сделал старшим библиотекарем – было еще трое младших, у графа все было поставлено на широкую ногу. Граф дедушку в шутку называл своим главным егерем... Это и в самом деле напоминало охоту: у библиотекарей было с дюжину помощников, главным образом студенты, вообще образованные люди. Они, как охотники, рыскали по всей округе, добивались даже до Буды и Пешта[1 – В те времена Буда и Пешт были двумя разными городами.], искали старые

книги на продажу, а то и целые библиотеки. Потом грянула революция[2 - Речь идет о венгерском мятеже 1848-1849 гг.]. Граф Лайош и не подумал к восставшим примкнуть, а потому остался на самом хорошем счету в Вене. – Иштван усмехнулся. – Они там думали, что граф свято хранит верность новому императору, а на самом деле, дедушка говорил, граф попросту даже и не заметил всех этих заварушек, тем более что в наших местах серьезных боев и не было. Правда, «охоте» это на год принесло большой ущерб: добрая половина помощников ушла к восставшим, а остальным рискованно было разъезжать по военным дорогам, где их мог повесить кто угодно, приняв за вражеских лазутчиков. Ну, сами понимаете: идет война, страна в огне, да вдобавок повсюду крестьянские мятежи, румыны и словаки воюют с венграми, вошли хорватские войска, а тут разъезжает какой-то тип в поисках старинных книг – подозрительно с точки зрения военного человека, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В те времена Буда и Пешт были двумя разными городами.

2

Речь идет о венгерском мятеже 1848-1849 гг.

Купити: https://tellnovel.com/bushkov_aleksandr/carica-temnoy-reki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)